

МАЙКЛ
КРЭЙВЕН

НОВЫЙ
МИРОВОЙ
ТРИЛЛЕР

ШОУ МАРИОНЕТОК

ОН ДЕРГАЕТ ЗА НИТОЧКИ.
ОН СМОТРИТ, КАК ОНИ ГОРЯТ

18+

Майк У. Крэйвен
Шоу марионеток
Серия «Новый мировой триллер»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339888
Шоу марионеток: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121265-0

Аннотация

В древних каменных кругах Озерного края находят обугленные тела пожилых мужчин. Все жертвы сожжены заживо. И все указывает на то, что это дело рук одного человека, таинственного серийного убийцы, прозванного в прессе Камбрийским Сжигателем. Он не оставляет улики, полиция в растерянности. Пока на теле одной из жертв не находят вырезанное имя одного из детективов – Вашингтона По. Теперь опальный полицейский вынужден вернуться из отставки и вести расследование, в котором у него совсем нет желания участвовать.

Вместе с Тилли Брэдшоу, гениальной, но очень замкнутой женщиной-аналитиком из Национального агентства по борьбе с преступностью, Вашингтон По выходит на след убийцы. Очень скоро становится понятно, что у Сжигателя есть план и детектив по какой-то причине играет в нем главную роль. В шокирующем финале Вашингтону предстоит усомниться во всем, что он знал

о себе самом, и понять, что есть вещи намного хуже, чем быть сожженным.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	28
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	57
Глава 10	59
Глава 11	75
Глава 12	93
Глава 13	103
Глава 14	112
Глава 15	120
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Майк У. Крэйвен

Шоу марионеток

M. W. Craven

THE PUPPET SHOW

© M.W. Craven, 2020

© Хомченко О.Е., перевод, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

*Моей жене Джоанн и моей маме Сюзан Ависон
Крэйвен, которой уже нет в живых. Без вас эта
книга была бы невозможна.*

Сожжение

1. Убийство в качестве религиозного жертвоприношения.
2. Убийство с помощью огня.

Каменный круг – древнее, спокойное место. Его камни – молчаливые стражи. Неподвижные наблюдатели. Их гранит блестит от утренней росы. Они выстояли тысячу зим и больше, и, хотя они обветрились и износились, они никогда не уступали ни времени, ни погоде, ни человеку.

Один в центре круга, окруженный мягкими тенями, стоит старик. Резко очерченное рябое лицо обрамляют тонкие седые волосы. Он мертвенно худ, и изможденное тело сотрясает дрожь. Голова согнута, плечи ссутулились.

Он обнажен и умирает.

Крепкая проволока прижимает его к железной решетке. Вгрызается в его кожу. Ему все равно: мучитель уже пытал его.

Он в состоянии шока и думает, что больше не способен испытывать боль.

Он ошибается.

– Посмотри на меня. – Голос мучителя звучит ровно.

Старик вымазан в желеобразной субстанции, пахнущей бензином. Он поднимает голову и смотрит на фигуру в капюшоне, стоящую перед ним.

Мучитель держит американскую зажигалку «Зиппо».

И тут включается страх. Первобытный страх перед огнем. Жертва знает, что сейчас произойдет, и знает, что не может это остановить. Дыхание становится поверхностным и неровным.

«Зиппо» поднимается к его глазам. Он видит ее простую красоту. Совершенные линии, точно продуманное устройство. Дизайн, который не менялся столетие. Со щелчком открывается крышка. Поворот большого пальца, и колесико бьет по кремню. Дождь искр, и появляется пламя.

Мучитель опускает «Зиппо», пламя уходит вниз. Зани-

мается горячая смесь. Голодное пламя сверкает и сползает вниз по руке старика.

Боль приходит мгновенно, словно кровь превратилась в кислоту. Глаза расширяются от ужаса, напрягается каждый мускул. Руки сжимаются в кулаки. Он пытается кричать, но крик умирает, споткнувшись в горле. Становится жалким и немым, захлебывается кровью.

Плоть шипит и скворчит, как мясо в горячей печи. Кровь, жир и вода скатываются вниз по рукам и стекают с пальцев.

Зрение заслоняет темнота. Он не знает, что его жир будет питать пламя еще долго после того, как выгорит зажигательная смесь. Он не видит, как пламя сжигает и разрушает то, что было высечено у него на груди.

Но это все равно происходит.

Глава 1

Неделю спустя

У Тилли Брэдшоу возникла проблема. Она не любила проблемы. Она не выносила неопределенность – подобные вещи делали ее тревожной.

Она оглянулась, чтобы проверить, есть ли с кем поделиться находками, но SCAS, Отдел анализа тяжких преступлений¹, был пуст. Она посмотрела на часы и увидела, что скоро полночь. Она на работе вот уже шестнадцать часов подряд. Она набрала матери эсэмэс, извиняясь, что не позвонила.

Она вернулась к экрану. Было ясно, что это не глюк, но такие результаты следовало проверить трижды.

Заварив фруктовый чай, она взглянула на индикатор выполнения, чтобы узнать, сколько осталось ждать. Пятнадцать минут. Брэдшоу открыла свой личный компьютер, воткнула наушники и напечатала «Вернулась». Через несколько секунд она уже полностью погрузилась в «Дрегонлор»², многопользовательскую онлайн-игру.

На заднем плане программа обрабатывала введенные данные. Брэдшоу не смотрела на рабочий компьютер.

Она никогда не ошибалась.

¹ SCAS (Serious Crime Analysis Section) – Отдел анализа тяжких преступлений. – *Здесь и далее прим. пер.*

² Англ. Dragonlore.

Через пятнадцать минут логотип Национального агентства по борьбе с преступностью³ исчез, и появились все те же результаты.

Она напечатала «Ушла» и разлогинилась.

Существовало две возможности. Или результаты были верны, или произошло математически невероятное совпадение. Впервые увидев результаты, она посчитала вероятность того, что они получились случайно, и это были миллионные доли. На случай вопросов она ввела математическую задачу в разработанную ею программу и запустила ее. Полученный результат подтвердил, что погрешность была в пределах допустимого. Она не улыбнулась, поняв, что высчитала это быстрее, чем компьютер, использовавший программу, написанную *ею самой*.

Брэдшоу не знала, что делать дальше. Ее начальница, инспектор уголовной полиции Стефани Флинн, обычно была с ней мила, но прошла всего неделя с разговора о том, когда допустимо звонить той на домашний. Звонить можно было, только когда происходило что-то важное. Но поскольку решение о том, важно что-то или нет, принимала сама инспектор Флинн, то откуда Тилли было знать? Крайне запутывающе.

Брэдшоу хотела бы, чтобы это была математическая зада-

³ NCA (National Crime Agency) – Национальное агентство по борьбе с преступностью Великобритании.

ча. Она *понимала* математику. Она не понимала инспектора Флинн. Она покусала губу и приняла решение.

Она пересмотрела свои находки и стала репетировать, что сказать.

Ее открытие относилось к последней цели аналитического отдела по тяжким преступлениям – человеку, которого пресса называла «Камбрийский Сжигатель». Кем бы он ни был – они быстро догадались, что это мужчина, – он, кажется, не любил шестидесяти- и семидесятилетних мужчин. В общем-то, не любил настолько, что предпочитал их сжигать.

Брэдшоу изучала третью и самую недавнюю жертву. Отдел привлекли после второй. Они должны были не только устранить опасность, исходящую от серийных убийц и насильников, но и оказывать аналитическую поддержку всем отделам полиции, расследующим сложные или, казалось бы, лишённые мотивов преступления. Камбрийский Сжигатель определенно подходил по всем пунктам.

Поскольку огонь разрушал тела настолько, что они даже не были *похожи* на тела, вскрытие было не единственным подходом старшего инспектора Камбрии. Он обратился за советом в Отдел анализа тяжких преступлений. Они устроили возможность исследовать тело с помощью мультиспиральной компьютерной томографии. МСКТ была сложной медицинской процедурой. Она использовала перекрывающиеся друг друга рентгеновские лучи и жидкий краситель, чтобы создать трехмерное изображение тела. Она была пред-

назначена для живых, но хорошо работала и на мертвых.

У отдела не было ресурсов на собственный аппарат для МСКТ – ни у одного из правоохранительных органов их не было, – но была договоренность, что при необходимости они могут оплатить использование аппарата, когда ситуация того стоила. Поскольку Сжигатель не оставлял никаких следов, старший инспектор был готов испробовать все возможное.

Брэдшоу глубоко вздохнула и позвонила Флинн.

К телефону подошли с пятого гудка. Слабый голос ответил:

– Да?

Она взглянула на часы, чтобы убедиться, что уже за полночь, перед тем как сказать:

– Доброе утро, инспектор Флинн. Как у вас дела? – Инспектор Флинн говорила ей не только о том, когда уместно звонить в нерабочее время, но и о том, что с коллегами следует быть вежливее.

– Тилли, – ворчливо отозвалась Флинн. – Чего ты хочешь?

– Я хочу поговорить с вами о деле, инспектор Флинн.

Флинн вздохнула.

– А ты не можешь звать меня просто Стефани? Или Стеф? Или босс? На самом деле мы не так далеко от Лондона, я бы согласилась даже на «шефа».

– Конечно, инспектор уголовной полиции Стефани Флинн.

– Нет... Я имела в виду, что ты могла бы просто... Ох,

неважно.

Брэдшоу подождала, пока Флинн закончит, и затем спросила:

– Могу ли я рассказать вам, что я нашла?

Флинн застонала.

– Сколько сейчас времени?

– Тринадцать минут пополудни.

– Продолжай. Это было настолько важно, что не могло подождать до утра?

Флинн выслушала, задала несколько вопросов и повесила трубку. Брэдшоу откинулась в кресле и улыбнулась. Она правильно сделала, что позвонила. Так сказала инспектор Флинн.

Флинн приехала через полчаса. Ее светлые волосы были спутаны. Лицо не накрашено. Брэдшоу тоже не носила макияж, но это был сознательный выбор. Она считала макияж глупостью.

Брэдшоу нажала на несколько клавиш и достала серию снимков.

– Они все на теле, – сказала она.

Затем она принялась объяснять, что сделала МСКТ.

– Она может опознавать раны и шрамы, которые могло пропустить вскрытие. Это особенно полезно, когда жертва была сильно обожжена.

Флинн знала все это, но позволила завершить фразу. Брэдшоу выдавала информацию в своем темпе, и ее не следо-

вало торопить.

– На поперечных срезах видно не так много, инспектор Стефани Флинн, но посмотрите на это. – Брэдшоу показала составную картинку, на этот раз вид сверху.

– Что за?.. – пробормотала Флинн, уставясь в экран.

– Раны, – повторила Брэдшоу. – Много ран.

– То есть вскрытие упустило много случайных рубцов?

Брэдшоу покачала головой.

– Сначала я тоже так подумала. – Она нажала на кнопку, и они изучили 3D-изображение ран на груди жертвы. Программа отсортировала казавшиеся рандомными шрамы. И все они складывались в единое целое.

Они уставились на финальное изображение. В нем не было ничего случайного.

– Что мы делаем теперь, инспектор Флинн?

Флинн сделала паузу, прежде чем ответить.

– Ты звонила матери, чтобы объяснить ей, почему тебя нет дома?

– Я послала ей сообщение.

– Скажи, что сегодня домой не придешь.

Брэдшоу начала печатать на телефоне.

– Какую причину мне назвать?

– Скажи ей, что мы разбудим директора.

Глава 2

Вашингтон По с наслаждением проводил день, ремонтируя сложенную без раствора каменную ограду. Это был один из навыков, что он приобрел, переехав обратно в Камбрию. Работа была изнурительной, но тем слаще было вознаграждение в виде пирога и пинты пива после. Он загрузил инструменты и оставшиеся камни в прицеп своего квадроцикла, подозвал свистом спрингер-спаниеля Эдгара и поехал обратно к ферме. Сегодня он работал над внешней межевой стеной примерно в миле от своего дома – грубо сложенного каменного здания под названием Хердвик-Крофт. Дорога занимала минут пятнадцать.

Весеннее солнце опустилось уже низко, трава и вереск блестели от вечерней росы. Птицы чирикали, борясь за партнеров и территорию, воздух благоухал ранними цветами. По глубоко вдохнул, продолжая вести.

Он к этому привыкнет.

Он *собирался* быстро принять душ и добраться до отеля, чтобы посидеть в баре, но чем ближе он подъезжал к дому, тем более привлекательной казалась идея надолго залечь в ванну с хорошей книгой.

Он достиг вершины последнего холма и остановился. В его дворе за столом кто-то сидел.

Он достал из холщовой сумки, которую всегда носил с со-

бой, бинокль. Посмотрел на одинокую фигуру. Он не был уверен, но, похоже, это была женщина. Он усилил увеличение и криво усмехнулся, узнав наконец посетителя с длинными светлыми волосами.

Что ж... они наконец до него добрались...

Он убрал бинокль обратно в сумку и поехал навстречу своему прежнему сержанту.

– Давно не виделись, Стеф, – сказал он. – Что привело тебя так далеко на север? – Эдгар, пушистый предатель, носился вокруг нее, словно она была давним и вновь обретенным другом.

– По, – ответила она. – Симпатичная бородка.

Он поскреб подбородок. Он отвык от ежедневного бритья.

– Ты же знаешь, я никогда не был хорош в светских беседах, Стеф.

Флинн кивнула.

– Это место трудно найти.

На ней был брючный костюм, синий в тонкую полоску, а по стройности и гибкости было ясно, что она продолжает заниматься боевыми искусствами. Она излучала уверенность в себе и своих силах. Очки для чтения лежали на столе рядом с папкой. Видимо, до его появления она работала.

– Очевидно, недостаточно трудно, – ответил По. Он не улыбался. – Чем могу быть полезен, сержант Флинн?

– Теперь детектив-инспектор, хотя это вряд ли что-то ме-

няет.

По поднял брови.

– Моя старая должность?

Она кивнула.

– Удивлен, что Тальбот позволил тебе ее занять, – сказал По. Тальбот был директором, когда По был детективом-инспектором. Он был мелочным и винил Флинн в произошедшем не меньше, чем По. Или, возможно, больше: По не крутился рядом, а вот Флинн – да.

– Теперь там Эдвард Ван Зил. Тальбот вылетел из-за последствий.

– Ван Зил – хороший человек, он мне нравится, – проворчал По. Когда Ван Зил был в северо-восточном отделе Особой службы, они вместе вели дело по борьбе с терроризмом. Террористы, устроившие взрывы в Лондоне 21 июля, тренировались в Озерном крае, и полицейские Камбрии были необходимы, чтобы нарисовать психологический портрет. Именно Ван Зил попросил По подать документы на должность в аналитический отдел по особо тяжким. – А Хэнсон?

– Все еще заместитель директора.

– Жаль, – сказал По. Хэнсон обладал политической смекалкой – неудивительно, что ему удалось выпутаться. Обычно, когда руководитель вынужден уйти из-за катастрофических ошибок, его место занимает следующий в иерархии. То, что Хэнсона не повысили, означало, что произошедшее на нем все же отразилось.

По все еще помнил самодовольную улыбку на лице Хэнсона, когда тот отстранял его от дел. С тех пор По не контактировал ни с кем из Национального агентства по борьбе с преступностью. Он не оставил почтового адреса, расторг контракт с оператором мобильной связи и, насколько ему было известно, даже не числился ни в одной из баз данных по Камбрии.

Раз Флинн все же взяла на себя труд разыскать его, значит, решение на его счет наконец приняли. Поскольку Хэнсон сохранил пост, По сомневался, что новости будут хорошими. Но это было и неважно, его это все уже не трогало. Если Флинн собиралась сказать ему, что он больше не работает на агентство, – ну что ж, так тому и быть. А если она пришла сообщить, что Хэнсон все же нашел способ открыть на него уголовное дело, – тогда придется с этим разбираться.

Не было смысла казнить вестника. По сомневался, что Флинн здесь по доброй воле.

– Хочешь, сварю кофе? У меня есть. – Не дожидаясь ответа, он исчез в доме, закрыв за собой дверь.

Пять минут спустя он вернулся с металлической кофеваркой и отдельным ковшом кипятка. Наполнил две кружки.

– Все еще пьешь черный?

Она кивнула и сделала глоток. Улыбнулась и подняла кружку, хваля кофе.

– Как ты меня нашла? – Лицо По было серьезным. Он очень дорожил своим уединением.

– Ван Зил знал, что ты вернешься в Камбрию, и примерно представлял, где ты жил. Рабочие из каменоломни сказали мне, что кто-то живет в старом пастушьем домике в самой глухомани. Они видели, как ты тут обустраиваешься, – она оглянулась, словно хотела убедиться, что это правда.

Хердвик-Крофт выглядел так, словно вырос из земли. Стены были сложены из необработанных камней – слишком больших, чтобы можно было поднять и притащить их сюда в одиночку, – и неотличимо сливался с древней вересковой пустошью, среди которой находился. Дом был приземистым, уродливым и выглядел так, словно застыл во времени на пару столетий. По его обожал.

Флинн сказала:

– Я прождала тут не один час...

– Чего ты хочешь?

Флинн порылась в портфеле и достала толстую папку. Но не открыла ее.

– Полагаю, ты слышал о Камбрийском Сжигателе?

По вскинул голову. *Этого* он никак не ожидал.

И, конечно же, он слышал о Сжигателе. Эта новость дошла даже до Шапа. Убийца сжигал людей заживо в каменных кругах Камбрии. Пока жертв было три – если По успел услышать обо всех. Пресса спекулировала, как могла, однако факты были перечислены, нужно лишь уметь отделить их от стремления к сенсациям.

У Камбрии появился свой первый серийный убийца.

Даже если SCAS вызвали помочь полиции Камбрии, он был отстранен от дел – по нему велось внутреннее расследование *и* дело от Независимой комиссии по расследованию жалоб на злоупотребления полиции. По знал, что он хоть и работал блестяще, незаменим не был. SCAS продолжал жить без него.

Так что же Флинн делала здесь на самом деле?

– Ван Зил отменил твое отстранение. Он хочет, чтобы ты взял это дело. Ты будешь сержантом под моим руководством.

Лицо По осталось спокойным, словно маска, но он размышлял быстрее любого компьютера. Во всем этом не было никакого смысла. Флинн была новым инспектором, и последнее, чего ей хотелось бы, – чтобы *бывший* инспектор работал под ее руководством, уже одним своим присутствием уменьшая ее авторитет. И она знала его давно, знала, как он общается с руководством. Зачем ей с этим связываться?

Ей приказали.

По заметил, что она не упомянула дело Независимой комиссии, так что, вероятно, *она* еще продолжалось. Он встал и ополоснул кружки.

– Не интересуюсь, – сказал он.

Она казалась удивленной. Он не понимал почему. NSA вышвырнуло его и умыло руки.

– Ты не хочешь посмотреть, что в папке? – спросила она.

– Мне все равно, – ответил По. Он больше не скучал по SCAS. Привыкать к неспешному спокойствию, с каким тек-

ла жизнь в полях Камбрии, пришлось долго, но отказываться от него не хотелось. Если Флинн была здесь не для того, чтобы уволить или арестовать его, она не могла сообщить ему ничего интересного. Поиск серийных убийц больше не был частью его жизни.

– Ладно, – сказала она, поднявшись. Она была высокой, и их глаза оказались на одном уровне. – Тогда мне нужно, чтобы ты подписал пару бумажек. – Она достала из портфеля тонкий документ и протянула его По.

– Что это?

– Ты же слышал, что я сказала: Ван Зил отменил твоё отстранение от дел, так?

Кивнув, он прочитал документ.

А.

– И ты понимаешь, что поскольку теперь ты снова являешься действующим офицером полиции, отказ вернуться на работу – нарушение, за которое полагается увольнение? Но чем затевать всю эту волокиту, я лучше приму твою отставку прямо сейчас. Я уже убедила кадровика составить черновик заявления.

По изучил документ. Подписав его, он перестанет быть офицером полиции. Хотя он этого и ждал, оказалось, что попрощаться не так легко, как он думал. Если он *действительно* подпишет, это подведет черту под последними восемнадцатью месяцами. Он снова сможет начать жить.

Но он больше никогда не будет носить удостоверение.

Он взглянул на Эдгара. Спаниель впитывал последние солнечные лучи. Большая часть окружающих земель принадлежала По. Готов ли он со всем этим расстаться?

По взял ее ручку и вывел внизу свое имя. Протянул листок обратно, чтобы она убедилась, что там не написано «Отвалите». Теперь, когда ее блеф был раскрыт, она, казалось, не знала, что делать дальше. Все пошло не по плану.

– В чем дело, Стеф?

– Что ты делаешь, По? Тебе нравилось быть копом. Что изменилось?

Он проигнорировал ее слова. Решение было принято, и теперь он просто хотел, чтобы она поскорее ушла.

– Где второй документ?

– Что-что?

– Ты сказала, я должен подписать два документа. Заявление об уходе я подписал, так что, если их два, есть еще что-то.

Она тут же приняла деловитый вид. Открыла папку, достала второй документ. Он был значительно толще первого, со штампом NSA.

Флинн заговорила заученными предложениями. Такие он использовал и сам.

– Вашингтон По, пожалуйста, прочтите и подпишите сверху, чтобы подтвердить, что получили документ, – она протянула ему толстую стопку бумаг.

По взглянул на верхний лист.

Это было «Предупреждение Османа»⁴.

Вот дерьмо...

⁴ Osman warning – предупреждение об угрозе смерти или опасности убийства, которое выдается британской полицией или властями предполагаемой жертве. Он взят из судебного дела 1998 года, которое рассматривалось Европейским судом по правам человека. Названо по имени Али Османа, которого застрелил Пол Пэджет-Льюис, школьный учитель его сына.

Глава 3

Когда полиция получает данные, что кому-то грозит серьезная опасность, она обязана предупредить об этом жертву. «Предупреждение Османа» – официальная процедура исполнения этого долга.

Потенциальные жертвы могут рассмотреть предложенные полицией защитные меры или же, если те их не устраивают, позаботиться о себе самостоятельно.

По просмотрел первую страницу, но она вся состояла из официальной болтовни. В ней не было написано, кто ему угрожал.

– О чем речь, Стеф?

– Это я могу рассказать только действующему офицеру полиции, По, – она протянула ему заявление об уходе, которое он только что подписал. По его не взял.

– По, посмотри на меня.

Она выдержала его взгляд, и в ее глазах читалась искренность.

– Поверь мне. Тебе нужно увидеть, что в этой папке. Если не понравится, ты всегда можешь написать Хэнсону позже, – она протянула ему назад заявление об уходе.

По кивнул и порвал его.

– Хорошо, – сказала она.

Она передала ему несколько глянцевых фотографий. На

них было место преступления.

– Узнаешь это?

По изучил фото. Там было мертвое тело. Почерневшее и обуглившееся – почти невозможно было узнать в нем человека. Ссохшееся, как все, что состоит по большей части из воды, после соприкосновения со страшным жаром. Тело выглядело так, словно по структуре и весу было как угольки, которые По доставал каждое утро из дровяной печи. Он почти чувствовал их остаточное тепло сквозь фотографию.

– Ты знаешь, кто это был? – спросила Флинн.

По не ответил. Он бегло просматривал стопку фотографий в поисках ориентиров. На последней место преступления было снято целиком. Он узнал каменный круг.

– Это Длинная Мег и ее дочери. Это... – он указал на первую фотографию, – должно быть, Майкл Джеймс, советник Тори. Он был третьей жертвой.

– Да. Привязан к чему-то вроде столба в середине каменного круга, покрыт смесью для розжига, подожжен. Обожжено более девяноста процентов тела. Что еще ты знаешь?

– Только то, что читал. Полагаю, полицию удивило место, это уже не такая глушь, как первые два.

– И вполнину не так удивило, как то, что Сжигателю удалось успешно избежать всех средств слежения, размещенных в этих кругах.

По кивнул. Маньяк для каждой своей жертвы выбирал новый каменный круг. Пресса окрестила его Камбрийским

Сжигателем. Жертвоприношение путем сожжения – в отсутствие других мотивов журналисты ухватилась за этот. По думал, что полиция будет следить за всеми кругами. С другой стороны, может, и нет... В Камбрии было много каменных кругов. Если прибавить к ним курганы, хенджи⁵ и менгиры⁶ – получится около пятисот объектов для наблюдения.

Даже если использовать минимум оборудования, понадобилась бы команда почти из двух тысяч копов. В Камбрии едва ли насчитывалась тысяча офицеров в форме. Им не оставалось ничего иного, кроме как выбирать, куда направить ограниченные ресурсы.

Он вернул фотографии обратно. Все это было чудовищно, но все равно не объясняло, почему Флинн проделала свое долгое путешествие на север.

– Я все еще не понимаю, как это связано со мной?

Она проигнорировала вопрос.

– SCAS вызвали после второй жертвы. Старший инспектор хотел получить профиль.

Этого следовало ожидать. Отдел на них и специализиро-

⁵ Хендж (от ст. – англ. *heng* – «висячий», напр. в составе англ. *Stonehenge* – «висячий камень») – тип доисторического земляного сооружения – круглая или овальная площадка диаметром не менее 20 м, окруженная земляным валом. В нем проделаны до четырех входов. Внутри могут быть порталные сооружения, деревянные круги, группы камней или монолиты, колодцы, захоронения, центральные курганы и др.

⁶ Менгир – простейший мегалит в виде установленного человеком грубо обработанного дикого камня, у которого вертикальные размеры заметно превышают горизонтальные.

вался.

– Мы его сделали. Не получилось ничего дельного, обычная ерунда о возрастных рамках, национальной принадлежности и прочее.

По знал, что профили могут помочь сузить поиски, но только в расследованиях со множеством направлений. Он сомневался, что они сейчас разговаривали из-за профиля.

– Ты слышал о мультиспиральной магнитной томографии?

– Да, – солгал он.

– Аппарат фотографирует тело тонкими слоями, а не целиком. Это дорого, но иногда находит ранения, полученные до и после смерти, которые пропустили при обычном вскрытии.

По относился к людям, которым важно знать, что эта штука может сделать, а не то, как она это делает. Если Флинн сказала, что это возможно, значит, возможно.

– Вскрытие ничего не обнаружило, но МСКТ показала вот это, – вынув еще одну пачку фотографий, она положила их на стол перед ним. Там были компьютерные снимки порезов, казавшихся хаотичными.

– Они были у третьей жертвы? – спросил он.

Она кивнула.

– На груди. Все, что он делает, рассчитано на максимальное воздействие.

Сжигатель был садистом. По не нужен был профиль, что-

бы это сказать. Он изучал каждую страницу с фото по мере того, как Флинн их переворачивала. Их было около двадцати, но при виде последней он подавился воздухом.

На ней были сведены вместе все предыдущие снимки. Компьютерное изображение, в котором все якобы случайные шрамы соединялись в целостную картинку, представляющую общий вид. У По пересохло во рту.

– Как? – хрипло спросил он.

– Мы надеялись, что ты нам объяснишь.

Они оба смотрели на последнюю фотографию.

Сжигатель высек на груди жертвы два слова.

«Вашингтон По».

Глава 4

По тяжело опустился на скамью. Кровь отхлынула у него от лица. На виске запульсировала вена.

Он уставился на компьютерную модель с его именем. И там было *не только* его имя – над ним была высечена цифра пять.

Это нехорошо... Совсем нехорошо.

– Нам интересно, зачем ему понадобилось высекать твое имя на груди жертвы.

– А раньше он этого не делал? Может, это утаили от прессы?

– Нет. Теперь мы исследовали с помощью МСКТ первую и вторую жертвы, все чисто.

– А номер пять? – он видел лишь одно правдоподобное объяснение, и знал, что Флинн с ним согласна. Вот почему она приехала с «Предупреждением Османа».

– Мы думаем, что ты выбран пятой жертвой.

Он взял последнюю фотографию. После незатейливой попытки нарисовать цифру пять Сжигатель отказался от кривых. Все линии были прямыми.

Хотя это было всего лишь компьютерное изображение, По заметил, что раны слишком неровные для скальпеля. Он бы поставил на строительный нож-резак или нечто похожее. Тот факт, что буквы были найдены на МСКТ, указывал на две

вещи: они были нанесены еще до смерти – иначе бы их обнаружили во время вскрытия, – и порезы были глубокими – более поверхностные огонь бы разрушил. Последние минуты жизни жертвы были адом на земле.

– Почему я? – сказал По. За свою карьеру он нажил немало врагов, но никогда не работал над делом, связанным с кем-то настолько сумасшедшим.

Флинн пожала плечами.

– Как ты понимаешь, ты не первый задаешься этим вопросом.

– Я не лгал, когда говорил, что знаю лишь то, что сообщили в газетах.

– Я знаю, что когда ты был полицейским офицером в Камбриии, у тебя не было официальных контактов с жертвами. И *неофициальных* не было тоже?

– Нет, насколько мне известно. – Он указал на дом и прилегающую землю. – Большую часть времени теперь я занимаюсь этим местом.

– Так мы и думали. Мы не считаем, что связующее звено здесь жертвы. Мы думаем, это убийца.

– Думаете, я знаю Сжигателя?

– Мы думаем, он знает тебя или знает о тебе. Мы сомневаемся, что ты его знаешь.

По понимал, что это первый из многих разговоров и встреч и что – хочет он того или нет – он уже в этом замешан. В какой роли – все еще будет обсуждаться.

– Первые впечатления? – спросила Флинн.

Он еще раз изучил шрамы. Помимо кривой пятерки, он насчитал сорок два. Сорок два шрама, чтобы написать «Вашингтон По». Сорок два свидетельства чьей-то пытки.

– Кроме того, что жертва предпочла бы, чтобы меня звали просто Боб, – никаких.

– Мне нужно, чтобы ты вернулся к работе, – сказала Флинн. Она оглянулась по сторонам, обводя взглядом безлюдные поля, которые он теперь звал домом. – Мне нужно, чтобы ты снова присоединился к роду человеческому.

По встал, отбросив все мысли об увольнении. Лишь одно теперь имело значение – Сжигатель был где-то здесь, выбирал жертву номер четыре. Если По хотел хоть когда-нибудь снова чувствовать себя спокойно, ему было необходимо найти убийцу до того, как тот доберется до пятой.

– На чьей машине поедем? – спросил он.

Глава 5

Стоило выехать из Камбрии, как ландшафт стал плоским и трасса М6 вытянулась перед ними, как беговая дорожка. Весна грезилась о летнем великолепии, и По неожиданно для себя включил кондиционер в машине Флинн. По пояснице у него стекал пот. Но с жарой это было мало связано.

Между ними повисло неловкое молчание. Пока По отвозил Эдгара к соседу, Флинн сменила костюм на более повседневную одежду – джинсы и джемпер, но, несмотря на внешне расслабленный вид, она теребила длинные волосы, глядя на дорогу.

– Поздравляю с повышением, – сказал По.

Она повернула голову.

– Я не хотела на твое место. Ты же наверняка это знаешь?

– Знаю. И насколько я могу себе представить, ты стала прекрасным инспектором.

Он не злился. Расслабившись, она ответила:

– Спасибо. Но все же твое отстранение – не те обстоятельства, в которых я хотела бы получить эту должность.

– У них не было выбора.

– Может, и не было, кроме как тебя отстранить, – сказала Флинн, – но эту ошибку мог совершить кто угодно.

– Не имеет значения, – ответил он. – Мы оба знаем, что это логичное следствие того, что произошло.

Флинн говорила об их последнем деле. *Ego* последнем деле. Сумасшедший в долине Темзы похитил и убил двух женщин, и пропала четырнадцатилетняя девочка, Мюриэл Бристоу. SCAS привлекли с самого начала. Они провели профилирование и картирование, но выйти на основного подозреваемого помог географический профиль – это оказался Пейтон Уильямс, помощник члена парламента. Все совпадало. Ранее он уже обвинялся в преследовании, каждый раз находился в том же месте, где похищали жертв, и у него была череда неудачных отношений.

По собирался арестовать и допросить его, но его начальник, глава следствия Тальбот, отказал. Готовились всеобщие выборы, и начался период, когда журналисты не могли освещать деятельность кандидатов. Арестовать помощника члена парламента без улик означало навлечь на полицию подозрение в попытке манипулировать результатами выборов. По крайней мере, в глазах Тальбота.

– Иди и найди что-нибудь убедительное, – сказал он По.

Тем временем сам Тальбот собирался проинформировать самого члена парламента. Сказать ему, что они ведут расследование относительно одного из его сотрудников. По умолял его этого не делать.

Тальбот его проигнорировал. Член парламента уволил своего помощника.

И сказал ему почему.

По был в ярости. Теперь Пейтон Уильямс и близко не по-

дошел бы к Мюриэль Бристоу и месту, где ее прятал. Не тогда, когда за ним следят. Если она еще и была жива, долго бы это не продлилось. Она бы умерла от обезвоживания.

По не был полицейским, который спихивает неприятные задания на других. Он сам отправился домой к ее семье. Перед уходом он распечатал для них сводку по делу – тщательно отцензурированный отчет о том, какие действия проводило следствие. Рассказав семье Бристоу то, что мог, он отдал им папку, чтобы те прочитали ее на досуге.

А затем разверзся ад.

По совершил ошибку. Ужасную ошибку. Он распечатал не только сводку по делу для семьи – он распечатал полную сводку по делу, которую писал для себя. И вот она-то *не была* отцензурирована.

Не та сводка оказалась не в той папке... Бристоу прочитали о Пейтоне Уильямсе...

Лишь позже, после того, как отец Мюриэль Бристоу похитил и пытал Пейтона Уильямса, после того, как тот выдал местонахождение Мюриэль и ее вернули семье целой и невредимой, люди задумались о том, как Бристоу вообще узнали о Пейтоне Уильямсе.

Ошибку быстро установили, и несмотря на то, что По все это время был прав, несмотря на то, что невинную девочку вернули родителям, – его немедленно отстранили.

Через несколько недель Пейтон Уильямс скончался от полученных ран.

С тех самых пор – и до того момента, когда Флинн объявилась в Хердвик-Крофте, – По не видел никого из НСА.

– Ты исчез, ни с кем не попрощавшись, – сказала Флинн.

Он почувствовал легкую вину. Когда его отстранили, По игнорировал все эсэмэс и голосовые сообщения со словами поддержки. Человека пытали, и виновен в этом был По. Ему нужно было научиться с этим жить. Он вернулся домой, в Камбрию. Убрался подальше от коллег с их благонамеренностью. Спрятался от мира. Остался наедине с мрачными мыслями.

– Между нами, – продолжила Флинн, – Ван Зил полагает, комиссия по расследованию недалеко от того, чтобы закрыть дело за отсутствием состава преступления. Они не могут доказать, что именно ты положил не тот отчет в папку для семьи.

От этой мысли По не полегчало. Может, он просто привык к своему монашескому существованию? Он открыл папку с новым делом и принялся читать все, что было у SCAS на Камбрийского Сжигателя.

Глава 6

Хотя это было тройное убийство и документация была обширной, По видел достаточно дел, чтобы знать, где находится самая важная информация. Он сразу открыл первое описание места первого преступления, сделанное старшим инспектором по делу.

Часто эти описания были наиболее полезны, поскольку содержали первые впечатления. Более поздние отчеты были более сдержанными и продуманными.

Старшим инспектором был старший суперинтендант по имени Йен Гэмбл. Обычно такое крупное дело вела бы группа по расследованию чрезвычайных ситуаций, но они были на другом задании, поэтому Гэмбл – который был также главой департамента уголовного розыска – сам возглавил следствие, и с учетом внимания СМИ к Камбрии это представлялось разумным.

По знал Гэмбла, когда тот был еще детективом-инспектором. Обстоятельный коп, он вел сложные, если не невозможные, расследования. Именно он заметил запах химии сквозь запах бензина на первом месте преступления. Его догадки были обоснованными. Сжигатель использовал самодельную зажигательную смесь. Неудивительно, что тела превращались в угли.

– Пугает, да? – сказала Флинн. – Кажется, достаточно все-

го лишь добавлять в бензин куски пенополистирола, пока они не перестанут растворяться. Эксперты в лаборатории говорят, что результатом будет похожая на желе субстанция, которая горит при такой высокой температуре, что расплавляет жир. Когда это происходит, тело само становится горючим и горит, пока не останется ни плоти, ни костей.

– Боже, – прошептал По. Прежде чем пойти в полицию, он три года прослужил в «Черных стражах»⁷ – Шотландском пехотном полку, и его учили обращаться с гранатами из белого фосфора. Он полагал, что результаты были похожими: если эта дрянь оказывается на тебе, ее уже ничем не оттереть. Лучшее, на что можно надеяться, – что твоя плоть сама отвалится кусками. Если этого не случится, она так и продолжит гореть.

Первую жертву убили четыре месяца назад. Грэхем Рассел начал карьеру журналиста в местной газетенке в Камбрии, но скоро перебрался на Флит-стрит, сердце лондонского газетного мира. Там он дорос до должности редактора национального таблоида, который сильно критиковали во время расследования Левесона о прослушке граждан. Сам он напрямую не был ни в чем замешан, но все равно получил большое отпускное пособие и уехал на пенсию в Камбрию. Сжигатель похитил его из маленького загородного дома. Следов борьбы не было, через какое-то время Рассела нашли посреди кром-

⁷ Black Watch – букв. «Черная стража» – Королевский Хайлендский полк. Их мундиры шьются из темной шотландки.

леха Каслриг, недалеко от города Кесвик. Его не только сожгли до углей, но еще и пытали.

По неодобрительно сдвинул брови, прочитав первые строчки.

– Туннельное видение?⁸ – спросил он Флинн. Неопытные следователи иногда видели то, чего нет, и хотя Гэмбл не был начинающим офицером, убийства он уже некоторое время не расследовал.

– Мы так думаем, хотя они это, конечно, отрицают, – ответила она. – Но суперинтендант Гэмбл был весьма увлечен идеей, что первое убийство являлось мезьтвю по делу Левесона.

Лишь месяц спустя, когда нашли тело Джо Лоуэлла, Отдел по работе с подозреваемыми перестал концентрироваться на жертвах скандала с прослушкой. Лоуэлл никогда не был вовлечен в торговлю газетами; он был из семьи землевладельцев, занимавшихся сельским хозяйством в Камбрии на протяжении семи поколений. Лоуэллы всегда были обеспеченными и известными членами сообщества. Джо украли из Лоуэлл-Холла, фамильного дома. Несмотря на то что с ним жил сын, никто не сообщил об исчезновении. Тело нашли посреди кромлеха⁹ Суинсайд, рядом с городом Бро-

⁸ Или так же туннельное мышление, туннельное восприятие – в психологии – концентрированность человека на какой-либо одной идее либо ощущении, воспоминании, мешающая охватывать ситуацию целиком.

⁹ Кромлех – древнее сооружение, как правило, позднего неолита или раннего бронзового века, представляющее собой несколько поставленных вертикально

тон-ин-Фернесс в южной Камбрии.

Поэтому расследование стало еще более серьезным. Были забыты все мысли о расследовании Левесона – профиль убийцы был существенно изменен, и фокус сместился туда, куда все и указывало – на расследование серийных убийств.

По искал в файле раздел о кромлехах. Убийца казался к нему привязан, и Гэмбл собрал столько информации, сколько смог.

В Камбрии была самая высокая в Великобритании концентрация кромлехов, менгиров, хенджей, монолитных камней и курганов. Все они были уникальны и происходили из самых разных периодов – от неолита до бронзового века. Одни были овальными, другие круглыми, одни из розового гранита, другие из сланца. У немногих был внутренний круг из камней поменьше. У большинства не было. Гэмбл привлек академиков, чтобы те кратко описали возможные цели применения этих памятников, но это было совершенно бесполезно. Теории расходились – от погребальных церемоний и торговых путей до связей с лунным циклом и астрономическими величинами.

Единственное, в чем академики были согласны, – за всю историю кромлехов они никогда не использовались для ритуальных жертвоприношений.

Конечно, подумал По, завтрашняя история пишется сего-

в землю продолговатых камней, образующих одну или несколько концентрических окружностей.

дня...

Глава 7

По читал о третьем убийстве – Майкл Джеймс, советник с юга Озерного края, который умер две недели назад, и на его груди было высечено имя По – и увидел документ, заставивший его рассмеяться. Он был написан одним из сержантов, и то был единственный человек, который мог позволить себе описать запах на месте преступления как «миазматический».

Он часто вел себя как клоун, но был одним из самых умных людей, которых По когда-либо встречал. Человек, который мог бы выиграть в «*Четыре в ряд*» в три хода. Его звали Килиан Рид, и он был единственным настоящим другом По в Камбрии. Они познакомились совсем подростками и с тех пор были близкими друзьями. По почувствовал себя виноватым за то, что так и не увиделся с ним, когда вернулся; он так погряз в своих проблемах, что ему это и в голову не пришло. Он оправдывал это тем, что они с Ридом знали друг друга слишком долго, чтобы и вправду потеряться. По одолжил у Флинн телефон и открыл приложение. Он задался вопросом, сколько людей до него были вынуждены сделать то же самое. В этом был весь Рид. Утереть нос руководителям, заставив их почувствовать себя идиотами. Неудивительно, что он все еще был сержантом.

Хорошо бы было снова поработать вместе. По взялся за

остальные документы и продолжил читать.

После того, как нашли вторую жертву и призвали на помощь SCAS, в отчетах появилось имя Флинн. Со второй жертвы началось и соревнование СМИ за право назвать убийцу. В конце концов – как всегда бывало в таких случаях – выиграла популярная, но не слишком уважаемая газета, предложившая кличку «Камбрийский Сжигатель». Прочитав все целиком в первый раз, По отложил папку на заднее сиденье. Закрыв глаза, размял шею. Вскоре он перечитает всю папку, каждый документ. Отпечатает их в своей памяти. Первый раз служил просто для того, чтобы составить представление, с чем он имеет дело. SCAS редко вызывали сразу, так что просматривать дела так, словно это был всяк, было важным умением. Они не просто искали улики, они искали ошибки, которые совершили следователи.

Флинн заметила, что он закончил читать, и спросила:

– Что думаешь?

По знал, что его проверяют. Его не было год – ей и Ван Зилу необходимо было знать, что он все еще годится для этой работы.

– Кромлехи и сжигания, скорее всего, тупик. Они наверняка что-то значат для убийцы, но мы не узнаем этого, пока его не поймем. У него есть представление о том, чего он хочет, но все же он легко меняет планы, если реальность не соответствует его фантазиям.

– В смысле?

– Первую жертву пытали, других нет. По какой-то причине это не дало того, чего он ждал. Так что он перестал это делать.

– У Майкла Джеймса на груди были шрамы, сложившиеся в твоё имя. По-моему, очень похоже на пытку.

– Нет, он написал моё имя по неизвестной нам причине. Боль была лишь побочным явлением. Боль, причинённая Грэхему Расселу, была намеренной.

Флинн кивнула, чтобы он продолжал.

– Все мужчины были одного возраста и очень богаты. Вы не нашли ничего, что подтвердило бы, что они были знакомы.

– Думаешь, он выбирает их случайно? – По так не думал, но не был готов это сказать. Ему было нужно больше информации. – Он хочет, чтобы мы так думали.

Она кивнула, но ничего не ответила.

– И ни один из них не был заявлен как пропавший? – спросил По.

– Нет. Казалось, что они все отсутствуют по понятным причинам. Только когда они были убиты, мы обнаружили, насколько длинными путями Сжигатель запутывал следы, чтобы убедиться, что заявление об их пропаже не поступит.

– Как? – По знал, что это есть в документах, но иногда лучше сразу услышать интерпретацию фактов.

– Машина и паспорт Грэхема Рассела были зарегистрированы для переправки на пароме, и его семья получила

письма, что он на каникулах во Франции. Джо Лоуэлл послал семье эсэмэски из Норфолка, говоря, что остался у друзей пострелять красных куропаток, пока не кончился сезон. Майкл Джеймс жил один, так что его вряд ли объявили бы пропавшим без вести, но история его компьютера показывала, что он собирался отправиться в турне с дегустацией виски по островам Шотландии.

– Так что мы не можем знать наверняка, когда их похитили?

– В общем-то, нет.

Он подумал, что это может значить, и решил, что это подтверждает ход его мысли. Сжигатель был очень организованным человеком. По сказал об этом Флинн.

– С чего ты взял? На месте преступления он оставляет полный хаос.

По покачал головой. Она все еще его проверяла.

– Он контролирует все, что происходит на месте преступления. Никакой импровизации. Он приносит с собой все, что ему нужно. Никаких физических улик на местах похищения и убийства, а учитывая неизбежность улик и то, что техники сбора данных еще никогда не были так хороши, это очень примечательно. Ко времени третьего убийства на камнях, полагаю, были установлены камеры наблюдения?

– На большинстве да. С Длинной Мег ее убрали как раз перед этим.

– Значит, он разбирается и в средствах наблюдения, – ска-

зал По.

– Что-нибудь еще?

– Я прошел?

Флинн улыбнулась.

– Что-нибудь еще?

– Да. В файлах чего-то не хватает. Фильтр, что-то, что инспектор утаивает от прессы. Что это?

– Как ты догадался?

– Сжигатель, возможно, и не садист по натуре, но ведет он себя именно так. Он бы не оставил тела нетронутыми.

Флинн указала на свой портфель на заднем сиденье.

– Там еще одна папка.

По перегнулся и достал ее. Там стоял штамп «Секретно», кто-то написал: «Не показывать без письменного разрешения старшего инспектора Гэмбла». По не стал открывать.

– Ты слышал о «сезоне обрезаний»?

По покачал головой. Не слышал.

– Изначально термин придумала Национальная служба здравоохранения. Он относится к времени года – обычно к летним каникулам – когда девочек, иногда двухмесячных, вывозят из Великобритании под предлогом посещения родственников за границей. На самом деле их везут на женское обрезание. Это делают во время летних каникул, чтобы раны могли зажить до возвращения.

По немного знал о женском обрезании, отвратительной практике, при которой удаляли части гениталий девочки,

чтобы гарантировать, что она не сможет чувствовать сексуальное удовольствие. Считалось, что это сделает их верными и целомудренными. В реальности жертвы всю жизнь мучились от боли и медицинских проблем. В некоторых культурах раны все еще сшивали нитками.

До него наконец-то дошло, почему Флинн об этом заговорила.

– Он их кастрирует?

– Технически – нет. Он отрезает им яйца вместе с сосиской. Аккуратно и без анестезии.

– Он оставляет себе трофеи, – сказал По. Большой процент серийных убийц оставляли себе части жертв.

– Вообще-то, нет. Открой папку.

По это сделал и чуть не расстался с обедом. Первая фотография объясняла, почему крики жертв не были слышны. Фотография крупным планом показывала рот Грэхема Рассела: он был заполнен его собственными гениталиями. Несколько следующих фотографий показывали пенис, яички и мошонку – все еще прикрепленные друг к другу – после того, как их вынули изо рта. Почерневшие на конце, близком к огню, и удивительно розовые и неповрежденные на другом. По просмотрел остальные фотографии и понял, что они примерно похожи.

И он должен был стать пятой жертвой? Можно подумать, ставки до того были недостаточно высоки. По скрестил ноги.

– Мы доберемся до него раньше, чем он хотя бы прибли-

зится к тебе, По.

Глава 8

В самом центра Хэмпшира, на территории старого колледжа полиции Брамсхилл, есть Фоксли-Холл. Колледж давно проводил свой последний класс, но вот Фоксли-Холл до сих пор служит офисом для Отдела анализа тяжких преступлений.

Для пристанища отдела, который стремится не привлекать к себе внимания и работать в тени, само здание было неожиданно вычурным. Оно было больше в ширину, чем в высоту, а его покатая крыша почти касалась земли, что выглядело так, будто SCAS работал в здании бывшего «Пицца Хат».

Флинн ночевала дома. По снял номер в отеле.

Спал он беспокойно. К нему вернулись его ночные кошмары. Когда он работал, мертвые никогда не покидали его. Они не давали ему ни сна, ни отдыха, а то, что он снова вернулся в Хэмпшир, разбередило старые раны. Несмотря на все, что он сделал, Пейтон Уильямс не заслуживал смерти. На первых слушаниях По видел фотографии увечий, нанесенных Уильямсу мистером Бристоу. Выданные плоскогубцами зубы, переломы пальцев, пробитая селезенка, которая в конечном итоге его и убила. Прошло шесть месяцев, прежде чем По наконец удалось проспять всю ночь, не просыпаясь.

А теперь кошмары вернулись. Хотя, может быть, они ни-

куда и не исчезали...

В восемь утра По отправился в Фоксли-Холл в сопровождении Флинн, как если бы он был посетителем. Скучающий взгляд работницы проходной сменился подобострастным, когда она увидела свою начальницу. Она отдала Флинн почту и уставилась на По.

– А вы кто? – спросил По, уставившись на нее в ответ. Может, на нем и были джинсы и похож он был больше на отшельника, чем на копа, но эта девица сейчас узнает, что в SCAS снова есть сержант.

Она смотрела на него так, будто и не собиралась отвечать, если ей не прикажут. Проблема областей с низкой безработицей: никто больше не относится к работе серьезно. Так, зарабатывают на всякие мелочи.

– Диана, на твоём месте я бы ему ответила, – сказала Флинн, просматривая свои письма. – Это детектив-сержант По, и он такого не потерпит.

Диана в ответ ухмыльнулась и сказала:

– Замдиректора Хэнсон ждёт вас у себя в кабинете.

– Да что ты говоришь, – вздохнула Флинн. – По, тебе лучше держаться от него подальше. Он до сих пор уверен, что это по твоей вине его не назначили директором.

Хэнсон никогда не признавал ответственности за свои неудачи. В том, что его не повысили, был виноват кто-то другой, или же это была часть заговора против него. То, что он поддержал Тальбота в случае Пейтона Уильямса, к делу не

относилось.

– С удовольствием, – ответил По.

Флинн повернулась к Диане:

– Сходи принеси сержанту По чашку кофе. После этого он станет твоим другом на всю жизнь.

По и Диана посмотрели друга на друга: они сильно в этом сомневались. Однако По не хотелось затевать ссору с утра пораньше. Флинн пошла к Хэнсону, а Диана провела По через оупен-спейс¹⁰ на кухню. Пока она наливала ему кофе, он осматривал офис, которым раньше управлял.

Многое изменилось. Когда он был инспектором, расположение столов зависело от настроения сотрудников и, благодаря офисной политике, расстановка мебели в офисе постоянно менялась. И хотя он знал, что это бесило Флинн, он не вмешивался. Если ей нужен был порядок, могла бы задействовать свои сержантские погоны.

Но теперь, будучи инспектором, она решила использовать свой авторитет. Аналитики, среди которых было несколько знакомых лиц, но в основном – незнакомые, аккуратно сидели в центре, от которого наподобие спиц в колесе расходились офисы и кабинки специалистов. Это не был классический оупен-спейс, но что-то очень похожее. В воздухе висел тихий гул: приглушенные телефонные разговоры, клацанье клавиатуры и шелест бумаг. Несмотря на ранний час, никто не завтракал за своим столом. Это тоже приводило Флинн в

¹⁰ Офис открытого типа (открытой планировки).

бешенство: люди, которые приходили на работу, а потом еще тридцать минут заваривали кашу.

Может, SCAS и стал работать более профессионально и эффективно, но, по мнению По, шарма в нем стало не больше чем в служебной записке. Если ему придется проводить время здесь, По знал, что уже через час он начнет материться через слово.

По крайней мере, его большая карта страны была на месте. Подойдя ближе, он пробежался по ней глазами. На стене она была самым заметным предметом. Разноцветные отметки маркером, похожие на прогноз погоды, свидетельствовали о том, где различные преступления были взяты под их контроль. Если цвет был одинаковым, значит, у них было достаточно оснований полагать, что они могут быть связаны между собой. Аналитики все время изучали прессу и сообщения о преступлениях от полиции на местах в поисках совпадений и странностей. Отчасти сотрудники SCAS занимались тем, что все время кричали «Волки!», видя совпадения и сообщая полиции, что у них, возможно, объявился серийный насильник или убийца. В большинстве случаев это было не так.

Но иногда так и было.

В Камбрии виднелись три красные отметки: со Сжигателем работали плотно.

В комнате стало тихо, как только люди начали осознать, кто вошел вместе с их начальницей. По услышал, как они

шепчут его имя. Он их проигнорировал. По терпеть не мог быть в центре внимания, хотя и знал, что он – местная знаменитость. Не только потому, что его имя было вырезано на груди человека, который сейчас спал вечным сном на койке в морге, но и благодаря тому, как он управлял отделом в свое время.

И благодаря тому, как он ушел – это тоже не нужно забывать.

Тишину нарушили приглушенные крики. Они раздавались из его бывшего кабинета, который теперь формально принадлежал Флинн. По двинулся туда.

И хотя разобрать, что кричали, было сложно, По время от времени слышал свое имя. Он открыл дверь и проскользнул внутрь.

Хэнсон стоял, опершись обоими кулаками на стол Флинн, словно пытаясь продавить дерево костяшками.

– Я тебе сказал, Флинн, мне все равно, что думает директор. Ты не должна была назначать его снова.

Флинн была спокойна:

– Формально, это директор Ван Зил его назначил, а не я.

Хэнсон выпрямился.

– Ты меня разочаровала, Флинн.

По кашлянул.

Хэнсон обернулся.

– По, – сказал он, – я не знал, что вы с инспектором Флинн приехали вместе.

– Доброе утро, сэр, – сказал По.

Хэнсон проигнорировал его протянутую руку.

По знал, что его должно задевать презрительное отношение замдиректора, но обнаружил, что гораздо проще на это наплевать. Когда не цепляешься за свое место, вышестоящие быстро понимают, как мало власти у них над тобой на самом деле.

– Улыбайся на здоровье, По. Ван Зил сделал ошибку, назначив тебя. Ты снова облажаешься, и он отправится вслед за прошлым директором. – Он повернулся к Флинн. – И тогда, инспектор Флинн, здесь многое изменится.

И он молча вышел из кабинета. И конечно, будучи любителем эффектных жестов, не мог не хлопнуть дверью.

Флинн договорилась о встрече с отделом кадров: чем скорее По формально восстановят на работе, тем быстрее они оба смогут вернуться в Камбрию. Они сели за небольшой стол для переговоров и стали ждать старшего сотрудника отдела кадров.

По медленно и внимательно рассмотрел все, что Флинн изменила в его бывшем кабинете. Прежде чем войти, он заметил сияющую медную табличку с ее именем. У него был листок А4 с именем и званием, написанными маркером. Голубым, если он правильно помнил.

Хаос, в котором он обычно работал, сменился спокойным духом порядка. На полке стройным рядом расположились справочники и инструкции от Блэкстоуновского полицей-

ского управления, а в его конце стояло изрядно потрепанное «Руководство для старшего следователя». У По тоже была такая книжонка, карманного формата – у всех она была, но он выбросил ее после того, как прочел. Она была полезной, но ничем не примечательной. Она учила руководящих детективов проводить логичные и тщательные расследования. Проблема была в том, что в итоге все стали расследовать преступления одинаково, и хотя он был согласен с тем, что должны существовать стандарты, это пособие не могло помочь в поиске *незаурядных* убийц.

Он пробежался глазами по кабинету. Все крайне организовано. Никаких личных деталей.

Во время его работы в SCAS политика чистых рабочих столов была чем-то, что случалось с другими. Стол Флинн был предсказуемо аккуратен: компьютер и блокнот, открытый на чистой странице. Кружка с логотипом NSA была заполнена ручками и карандашами.

Ее телефон зазвонил. Она нажала громкую связь и ответила. Голос Дианы сообщил:

- Пришел Эшли Баретт из отдела кадров.
- Спасибо, – сказала Флинн, – Пусть заходит.

Баретт вошел улыбаясь, в костюме и с коричневым портфелем, и сел за стол для переговоров. Он был высоким и худым.

– Извини, Эш, буду краткой, – сказала Флинн, – мы можем сделать все побыстрее? Нам нужно вернуться в Камбрию.

Он кивнул, взглянул на По, вытащил документы из портфеля и положил их на стол перед собой. Затем мягко кашлянул и начал заранее заготовленную речь. Было похоже, что он говорит на автопилоте.

– Как вы знаете, сержант По, отстранение от должности считается нейтральным актом, и организация может сама решать, насколько такая мера оправдана. Вчера директор Эдвард Ван Зил принял решение, что, несмотря на то, что дело не закрыто, окончание внутреннего расследования означает, что ваше отстранение от работы закончено.

Баретт порылся в своих бумагах и протянул По документ на один лист.

– Это письменное подтверждение. Подпишите, пожалуйста, внизу.

По так и сделал. Давно он не использовал свою «рабочую» подпись: небрежный штрих, которым он никогда бы не подписал банковский чек. Ощущение было странное, но приятное. Он подтолкнул бумагу обратно.

Зазвонил телефон на столе, и Флинн поднялась, чтобы ответить. Пока она тихо разговаривала, Баретт спрашивал По, не хочет ли тот воспользоваться программой поддержки сотрудников и пройти курс встреч с психологом или же обновить свои знания компьютерной системы. По отказался от всех предложений, чего они оба и ожидали.

Поставив еще одну галочку в своей большой книге правил отдела кадров, Баретт приступил к приятной стороне

дела. Он достал из портфеля несколько вещей, которые По считал своими рабочими инструментами. Он отдал По рабочий мобильный: зашифрованный «Блэкберри». Баретт объяснил, что там уже записаны некоторые контакты, которые ему могут понадобиться, а также установлен онлайн-календарь, который позволял каждому, у кого есть доступ, вносить встречи в расписание. По решил, что это нужно отключить сразу же, как только он выяснит как. «Блэкберри» был подключен к интернету, что означало, что По сможет по нему бродить и получать свою защищенную почту и текстовые сообщения. С него даже звонить можно.

– На «Блэкберри» установлено приложение «Протект», и оно активировано, – сказал Баретт.

По смотрел на него непонимающим взглядом.

– Это означает, что местоположение телефона можно отслеживать онлайн.

– Вы за мной шпионите?

– На этом настоял замдиректора.

По засунул телефон в карман. Это штуку он тоже отключит.

Баретт дал ему небольшое черное кожаное портмоне, в котором были его удостоверение сотрудника полиции и Национального агентства по борьбе с преступностью.

По привычным жестом открыл его, проверил, все ли в порядке, и положил к себе в карман. Он чувствовал, что восстановил часть себя.

Пора было снова приступить к работе.

Он посмотрел на Флинн. Она хмурилась, слушая неизвестного собеседника.

– Пока вы отсутствовали, сержанта Флинн временно повысили до инспектора, – сказал Баретт. – Директор Ван Зил дал ясно понять, что так и должно остаться. Вы возвращаетесь на работу при условии, что займете пост сержанта. То есть вы будете подчиненным инспектора Флинн.

– Нет проблем, – сказал По.

Флинн положила трубку и повернулась к По. Ее лицо было белым как мел.

– У нас новое убийство.

Глава 9

– Где?

– Кто-то гулял по холмам и наткнулся на него неподалеку от городка Кокермут. Знаешь такой?

По кивнул. Это был маленький рыночный городок в западной Камбрии. Его удивило, что Сжигатель уже изменил модус операнди¹¹.

– Ты уверена?

Флинн подтвердила и спросила:

– А что не так?

– В Кокермуте нет никаких кромлехов. По крайней мере, насколько я знаю.

Она сверилась с блокнотом.

– Кокермут. Так сказал старший инспектор.

По встал.

– Тогда поехали.

Дело принимало серьезный оборот: четвертую жертву только что нашли, и он был уже следующим на этом конвейере.

Баретт начал:

– Предполагается, что вы пройдете переподготовку,

¹¹ *Modus operandi* (лат.) – «образ действия»: описание чьих-либо поведенческих привычек, манеры работы, способа выполнения тех или иных действий. Нередко: «почерк», поведенческий рисунок.

прежде чем приступите... – он отступил под их взглядами, – но, думаю, с учетом обстоятельств она может подождать.

– Это вы отлично решили, – сказал По. – Я хочу взять с собой аналитика. Кого-то, кто умеет все понемногу; я представляю, с чего стоит начать, но для этого нужно нарыть много данных. Кто у нас лучший?

Флинн заколебалась и покраснела.

– Джонатан Пирс.

– И он лучший, так?

– Ну, официально лучшая – Тилли Брэдшоу. Она умеет и знает больше кого бы то ни было. Именно она нашла твое имя среди всех этих медицинских данных.

По подумал, что не припоминает этого имени.

– В чем тогда проблема?

– Она особенная. Она отказывается покидать офис.

По улыбнулся.

– У вас просто не было сержанта, инспектор Флинн...

Глава 10

По вошел в оупен-спейс и громко позвал Тилли Брэдшоу. Поднялась худенькая женщина небольшого роста. Она выглядела робкой заучкой – типичный офисный планктон. Увидев, кто ее звал, она недовольно нахмурилась и села обратно.

По обернулся и сказал Баретту:

– Не мог бы ты немного подождать, Эш? Мне может понадобиться помощь.

По любил быть сержантом. Задним умом он понимал, что ему не следовало брать на себя роль инспектора. Уровень ответственности за руководство людьми, которого она требовала, явно превышал комфортный для него. Он был *отличным* сержантом, и, похоже, SCAS отчаянно в таком нуждался.

– Брэдшоу, в мой кабинет.

Брэдшоу, ссутулившись, поплелась к кабинету сержанта. Поскольку недавно он принадлежал Флинн, в нем было пугающе чисто. По сел за стол.

Брэдшоу не закрыла за собой дверь, и это было хорошо. Работникам будет полезно узнать, как теперь будут вестись дела. Он указал жестом на стул напротив, и она села на краешек.

По изучал ее; девяносто процентов работы сержанта заключалось в управлении людьми. Брэдшоу не носила макияж, за очками в золотистой оправе в стиле Гарри Поттера прятались серые близорукие глаза. Она была бледна, как рыба. На яркой футболке красовался логотип ремейка «*Охотников за привидениями*», где мужских персонажей заменили на женских. Холщовые штаны цвета хаки с широкими карманами, кажется, звались брюками-карго. Ее пальцы были длинными и тонкими. Ногти – сжеваны до основания. Несмотря на проявленное сначала неповиновение, она выглядела настороженной.

– Ты знаешь, кто я?

Она кивнула.

– Вас зовут Вашингтон По. Тридцать восемь лет, родились в Кендале, Камбрия. Были переведены из полиции Камбрии в SCAS, и, предположительно, совершенная вами ошибка напрямую привела к пыткам и смерти подозреваемого. Ваше дело расследует Независимая комиссия по расследованию жалоб на злоупотребления полиции. Вы отстранены от работы.

По уставился на нее. Антистеп-радар молчал. Она говорила серьезно. Это была ее манера разговаривать.

– Неверно. Вот уже, – он посмотрел на часы, – пять минут как я *детектив-сержант* Вашингтон По. И с настоящего момента если я прошу тебя что-то сделать – ты это делаешь. Ясно?

– Инспектор Стефани Флинн сказала, что я должна делать только то, что мне говорит она.

– Да неужели?

– Так и сказала, сержант Вашингтон По.

– Просто По.

– Так и сказала, По.

– Я имел в виду, тебе стоит звать меня сержа... ладно... зови, как хочешь, – сказал По, понимая, что у него нет сил на бессмысленные споры о формах обращения. – А почему она тебе это сказала?

– Люди любят надо мной подшучивать. Они говорят мне делать вещи, которых я делать не должна, – ответила она, поправив очки и заправив за ухо выпавшую тонкую прядь темных волос.

По начал догадываться.

– Ладно, но я твой новый сержант, так что ты должна делать то, что я тебе говорю, – сказал он.

Она пристально смотрела на него.

Наконец По сказал:

– Жди здесь.

Он дошел до кабинета Флинн. Та разговаривала с Бареттом.

– Быстро ты, – сказала она.

По готов был поклясться, что она сдерживает улыбку.

– Можешь заскочить ко мне и сказать Брэдшоу, что теперь она должна слушаться и меня тоже?

– Конечно, – Флинн направилась в кабинет По вслед за ним.

– Тилли, это Вашингтон По, и он наш новый сержант.

– Он хочет, чтобы его звали По, – ответила та.

Флинн взглянула на По, который пожал плечами, словно говоря: «Ну что с этим поделаешь?».

– Ладно, в любом случае, ты должна делать то, что он говорит, тоже. Хорошо?

Брэдшоу кивнула.

– Но больше никого не слушай, – добавила Флинн, перед тем как оставить их наедине.

– Теперь, когда мы с этим разобрались, Тилли, я хочу, чтобы ты отправилась домой, собрала чемодан и встретила со мной и инспектором Флинн здесь через час, – сказал По. – Мы уезжаем на несколько дней.

– Я не могу, – немедленно ответила она.

По вздохнул.

– Жди здесь.

Через минуту он вернулся со стандартным договором найма Национального агентства по борьбе с преступностью. Подтолкнул его к ней по столу.

– Покажи мне, где здесь такое написано, потому что я вижу параграф, гласящий:

«Возможны случаи, когда вы обязаны работать внеурочно и вне основного офиса».

Брэдшоу на него даже не взглянула.

По продолжил:

– Я определенно не вижу ничего, что утверждало бы, что Тилли Брэдшоу является исключением.

Брэдшоу закрыла глаза и сказала:

– Раздел три, параграф два, подраздел семь гласит, что произвольные преимущества – в моем случае отсутствие работы вне офиса – могут считаться обязательным условием договора найма, в случае если они применяются в течение длительного периода времени. Юридическое определение – «обычай и порядки». – Она открыла глаза и посмотрела на По.

По смутно помнил правило отдела кадров о том, что если кто-то что-то делает достаточно долго, это может считаться частью их работы, даже если оно напрямую противоречит контракту. Как бы глупо это ни звучало, люди выигрывали в судах деньги, используя это правило.

Он уставился на нее с открытым ртом.

– Ты выучила наизусть весь трудовой договор?

Брэдшоу нахмурилась.

– Я прочитала его, когда подписывала.

– Когда это было?

– Одиннадцать месяцев и четырнадцать дней назад.

По снова встал.

– Жди здесь.

Он вновь отправился в офис Флинн.

– Джонатан Пирс будет счастлив выбраться из офиса на несколько дней, – сказала она.

По не собирался так быстро сдаваться.

– Она вообще в себе?

– С ней все нормально, – ответила Флинн. – Ее растили в тепличных условиях, и потому она легко идет на поводу у других. Понимает все буквально и склонна верить всему, что ей говорят. Я стараюсь за ней приглядывать по мере сил. Если найти к ней подход, она абсолютно незаменима.

– Но к полевой работе она не готова?

– У нее IQ под двести, но она, возможно, и яйца сварить не сумеет...

– Эш, есть хоть одна юридическая причина, по которой я не могу ее взять с собой? – спросил По.

– Если она подаст в суд по пункту «Обычай и порядки», мы сможем защитить свою позицию, и она проиграет.

По посмотрел на него. Ему нужно было «да» или «нет».

– Нет, – сказала Флинн. – В трудовом законодательстве нет ничего, что оправдывало бы ее позицию.

– Тогда решено, – сказал По, – и год назад я и сам не умел варить яйца.

По вернулся к себе в кабинет и сел. Скрестил пальцы и наклонился вперед к Брэдшоу. Он попробует сделать то, что Флинн проделала с ним накануне, надеясь, что Брэдшоу не станет блефовать.

– У тебя есть два варианта. Первый – ты едешь домой и собираешь вещи для весенней Камбрии, и второй – кладешь заявление мне на стол.

Брэдшоу выглядела еще более нервной, чем до этого.

«Я что-то упускаю», – подумал По.

– В чем дело, Тилли? Почему ты не можешь уехать из офиса?

Она робко встала – в глазах у нее стояли слезы – и побрела из кабинета, не оборачиваясь.

По проследил, как она вернулась за свой стол. Дошла, рухнула в кресло. Надела наушники и принялась печатать.

Он последовал за ней. Может, она просто не поняла, насколько все срочно.

– Брэдшоу, инспектор Флинн говорит, что ты лучшая из всех, кто у нас есть. Ты нужна мне в Камбрии. И бесполезна для меня здесь.

– Угу, – сказала она. – А что я, по-вашему, делаю?

Надменного вида парень нагло рассмеялся. По бросил на него взгляд, от которого увял бы и чертополох. Прочитал запрос, который Брэдшоу вбила в «Гугл»: «*Что взять с собой в весеннюю Камбрию?*»

– Ты что, надо мной издеваешься? – спросил По.

Она подняла на него глаза. Стало ясно, что нет. На ее столе не было личных вещей. Флинн, конечно, вычистила офис после его ухода, но всем все равно удалось придать инди-

видуальность своим рабочим местам. Кружками с надписью «Лучший в мире папа», фотографиями партнеров и детей в дешевых рамках, странными пикантными календарями на грани дозволенного. Стол Брэдшоу был пуст.

– Ты недавно сменила рабочее место?

Она выглядела смущенной.

– Нет. Я здесь почти двенадцать месяцев, По.

– Тогда где все твои вещи?

– Какие вещи?

– Ну знаешь, кружка, плюшевая игрушка, ручка-сувенир, – ответил он. – Другими словами, где весь этот хлам?

– О, – протянула она. – Я приносила раньше свои вещи, их всегда в шутку забирали. И я ничего не получила обратно.

Сердце По замерло.

– Слушай, просто соберись, будто едешь куда-то на несколько дней: возьми сменную одежду, туалетные принадлежности, такого рода вещи. Еще я хочу, чтобы ты взяла с собой все оборудование, которое тебе нужно, чтобы поймать серийного убийцу, – сказал он. – И побыстрее. Уже четыре трупа.

– Вы не понимаете, сколько со мной проблем, – пробормотала она.

Через час По понял.

Брэдшоу уехала собираться – Флинн пришлось оформить вызов такси, потому что у Брэдшоу не было машины, ее

обычно подвозила и забирала мать, – а вскоре вошла Диана с проходной. Она улыбалась, и По сразу понял: это дурной знак.

– Спрашивают вас, – сказала она. – Переведу звонок в ваш кабинет.

– Сержант По, – сказал он, взяв трубку. Это было странное чувство – снова произносить звание перед фамилией. – Чем могу помочь?

– Здравствуйте, сержант По, это мать Матильды.

Повисла пауза, и По ее заполнил:

– Извините, но вы уверены, что не ошиблись номером? Я не знаю никакой Матильды.

– Вы, должно быть, знаете ее как Тилли. Тилли Брэдшоу, – сказала та. – Моя дочь только что мне звонила и сказала, что поехала домой собирать вещи, но не может найти палатку. Она хочет, чтобы я ушла с работы и съездила за ней в магазин. Еще она сказала, что ей нужны консервы и консервный нож. Она хочет, чтобы я все это привезла в офис. Вы очень ее взволновали, сержант По.

– Палатка... консервы... Простите, миссис Брэдшоу, но я представления не имею, о чем она. Она будет жить в том же отеле, что и вся остальная команда. Я думал, это очевидно.

– Что ж, это звучит куда более разумно, полагаю. Но зачем она вообще едет в Камбрию? Все это так кошмарно звучит.

– Эй, я сам из Камбрии! – запротестовал он.

– О, прошу прощения. Но мне кажется, там ужасно уют-

но!

По чуть не ответил: «Потому что так, черт возьми, и есть!», но сдержался. Вместо этого он сказал:

– Это Камбрия, а не Багдад, миссис Брэдшоу. Матильда будет помогать расследовать убийство.

– А это не опасно?

– Нет, если Сжигатель не решит сжечь отель.

– А он может?

– Нет, я пошутил, – сказал По. По крайней мере, теперь он знал, от кого у Брэдшоу социальные навыки. – Она будет в полной безопасности. Мы берем ее с собой только для аналитической поддержки, сомневаюсь, что ей вообще придется выходить из отеля.

Кажется, собеседницу это смягчило.

– Ладно, я ей разрешу, – сказала она. – При одном условии.

По прикусил язык, чтобы не ответить сарказмом. Он подумал о Брэдшоу, которая нервничает и боится, что ей не разрешат поехать. Она ведь не нарочно создавала трудности.

– Назовите его.

– Она будет звонить домой каждый вечер.

Учитывая обстоятельства, это казалось разумным.

– Договорились, – сказал он.

– А теперь – есть несколько вещей, которые вы должны знать о Матильде, сержант По.

– Слушаю.

– Ну, во-первых, поймите, она замечательный ребенок и чудесная дочь. Я не могла бы и мечтать о лучшей...

– Но?

– Но она вела абсолютно замкнутый образ жизни. Она училась в университете, когда должна была играть на улице. Первую степень в Оксфорде она получила в шестнадцать.

По присвистнул.

– А затем защитила магистерскую и две докторских диссертации – одну по компьютерным технологиям, другую по математике или чему-то там такому. Это все выше моего разумения. Мы думали, она проведет жизнь в Оксфорде, получая один исследовательский грант за другим. Люди кидались в нее деньгами.

– Так как же она?..

– Как она оказалась на работе в Национальном агентстве по борьбе с преступностью? Можете так же гадать, как и я, но подозреваю, что это связано с упрямством, унаследованным ею от отца. Однажды она просто приехала из университета и заявила, что подала документы на работу. Отказывалась говорить куда, зная, что мы ее остановим.

– Зачем вам это делать?

– Вы видели ее, сержант По. Матильда необыкновенно умна. Если верить одному из профессоров, которые посетили нас, когда ей было тринадцать, такие рождаются раз в поколение. Но есть и обратная сторона – она никогда не жила в

реальном мире и не развила навыков, которые для нас с вами само собой разумеются. Думаю, все дело в том, как ее мозг расставляет приоритеты. Социальные взаимодействия кажутся ей крайне сложными, и в прошлом это вызывало проблемы.

Теперь многое прояснялось. Возможно, Флинн была права, возможно, Брэдшоу не подходила. Он уже собрался было сказать миссис Брэдшоу, что та может не беспокоиться, ведь ее дочь к чаю уже будет дома, как вдруг дверь отворилась – и вошла Тилли Брэдшоу. Она все еще выглядела испуганной, но было и еще что-то. Какое-то нервное, но радостное возбуждение. Теперь, когда она точно знала, что едет, казалось, что ей не терпится поскорее отправиться. Она подошла к столу и принялась упаковывать вещи.

– Я позабочусь о ней, миссис Брэдшоу, даю вам слово, – сказал По и повесил трубку.

Он пошел вслед за Тилли, чтобы помочь, но тут парень, который перед этим смеялся, решил развлечь остальных. Он не заметил, что По стоит позади него. Парень встал и объявил:

– Смотрите все, маленькая мисс Даун собралась в путешествие.

Пара человек хихикнули. Но остальные видели По и знали, когда промолчать, чтобы не вляпаться.

Радость в глазах Брэдшоу угасла. Она покраснела и опустила глаза. По снова посмотрел на ее стол, где не было ни

одной вещи, и все встало на свои места.

Ее травили. Прежде чем кто-то успел отреагировать, По сделал три больших шага и выдернул весельчака из кресла. Держа за пиджак на загравке, По проволока его через весь офис и врезал головой в стену.

– Имя, – крикнул По.

Молчание.

– ИМЯ!

– Джо... Джо... Джонатан, – выдохнул парень с искаженным от ужаса лицом.

– Эшли Баретт! Инспектор Флинн! Сюда, пожалуйста!

Флинн поспешно вышла из кабинета. Кадровик шел за ней.

– Будь добр, повтори то, что ты только что сказал, для инспектора Флинн.

Глаза Джонатана бегали, он искал, как выкрутиться. По крепко держал его за горло. Не отпуская, он повернулся и обратился ко всем в комнате:

– Большинство из вас меня раньше не встречали. Я сержант уголовной полиции По, и вы все должны зарубить себе на носу, что я не потерплю травли ни в каком виде.

Это была правда. Странное имя, матери нет, отец – абсолютный чудак – эти три обстоятельства сделали его самого магнитом для травли в школе. Довольно скоро он понял:

единственный способ выжить – сделать так, чтобы каждый, кто его тронет, был вынужден за это ответить. Обидчики выучили, что По отбивался, не отступал и не прекращал драку. Начал с ним драку – будь готов к тому, что она не кончится, пока кто-то не потеряет сознание. Вскоре его стали обходить за километр.

– Так что посмотрите хорошенько на вашего друга Джонатана, – продолжил он, – потому что это последний раз, когда он переступил порог этого офиса.

Все уставились на него с открытым ртом.

– Кто-то думает, что я поступаю несправедливо?

Никто так не думал. А если и думал – был достаточно умен, чтобы не высказывать этого вслух.

– Все слышали, как Джонатан назвал свою коллегу?

Похоже, что все. По указал на одного:

– Ты, как тебя зовут?

– Джен.

– Что сказал Джонатан, Джен?

– Он назвал Тилли дауном, сэр.

– Я работаю, чтобы зарабатывать на жизнь, не называй меня сэром.

По повернулся к Флинн и Баретту.

– Этого достаточно?

Флинн обернулась к Баретту и сказала:

– Для меня да. Эш?

Баретт сделал паузу.

– Можно было бы обойтись и без того, чтобы набрасываться на...

– Он держал ручку, – прервал его По. – Я подумал, что он собирается использовать ее как оружие.

– Что ж, этого достаточно. Джонатан Пирс, я официально отстраняю вас за неуставное поведение, травлю и использование оскорбительной лексики. Пожалуйста, оставьте у меня свое удостоверение, и мы договоримся о дисциплинарном слушании, на котором вы, без сомнения, будете уволены из Национального агентства по расследованию преступлений.

– Но... но... но все ее так называют! – запротестовал Джонатан.

По почти слышал, как все в комнате втянули воздух. Джонатан только что совершил смертный грех – выдал коллег, чтобы спасти свою шкуру. По сказал:

– Кто-то еще здесь позволил себе неуставное поведение?

Никто не шевельнулся. Пара человек выглядели виновато, но признавать вину и увольняться никто явно не собирался.

– Нет? Кажется, только ты, Джонатан, – сказал По. Он наклонился к нему поближе и шепнул: – И если позволишь себе хотя бы косой взгляд в сторону моей подруги Тилли, я тебя выслежу и выкручу тебе на хрен все пальцы. Тебе ясно? Кивни, если понял.

Джонатан кивнул.

– Хорошо, – сказал По. – А теперь свали.

Он отпустил Джонатана, и тот осел на пол. Повернувшись

к Брэдшоу, По сказал:

– Тебе не нужна палатка, Тилли. Ты останешься в отеле с инспектором Флинн. Все остальное у тебя есть?

Та кое-как кивнула.

– Тогда чего ты ждешь? Поехали, поймаешь нам серийного убийцу.

Глава 11

По предполагал, что они трое будут вести машину по очереди. Им пришлось сделать остановку у какой-то станции техобслуживания в Чeshire после того, как Брэдшоу объявила:

– Мне нужно в туалет.

Но когда По бросил ей ключи, сказав, чтобы она садилась за руль, та ответила, что у нее нет водительских прав.

Он на мгновение задумался.

– Тогда какого черта ты все это время сидела на пассажирском сиденье? Те, кто не умеет водить, обычно сидят сзади.

Она сложила руки на груди.

– Я всегда сижу на пассажирском. По статистике так безопаснее.

Флинн остановила спор прежде, чем он успел разгореться, усевшись на заднее сиденье.

– Я все равно больше люблю сидеть сзади, По, – пояснила она.

Брэдшоу продолжала читать им лекцию о безопасности на дорогах, а По снова вырулил на шоссе М6. Он перестал вслушиваться в ее монолог еще до того, как свернул с проселочной дороги.

Он никогда не встречал никого вроде Брэдшоу. Она, ка-

залось, не понимала ни одной из социальных норм. Между ее мозгом и ртом не было фильтра, и она выкладывала все, что думала. Она почти ничего не понимала в невербальном общении: либо не смотрела собеседнику в глаза, либо сверлила его взглядом. Если По ее игнорировал, когда она произносила его имя, она просто повторяла его до тех пор, пока он не ответит.

Через некоторое время они погрузились в молчание.

По взглянул в зеркало заднего вида. Флинн спала.

– Можешь сделать мне одолжение, Тилли? – Он сунул руку в карман пиджака и достал свой «Блэкберри». – На этом телефоне есть что-то вроде электронного дневника и какое-то приложения для отслеживания. Можешь их отключить?

– Да, По.

Она даже не пошевелилась, чтобы взять телефон.

– Так *отключишь*?

Она колебалась.

– А я должна?

– Да, – солгал он.

Она кивнула и принялась возиться с его телефоном.

– Но если инспектор Флинн спросит, не говори ей, – добавил он.

– Тебе нравится работать на SCAS, Тилли? – спросил он минут пять спустя после того, как она вернула ему «Блэк-

берри».

– О боже, да – ответила она, просияв. – Это просто чудесно. Далеко не везде удастся применить математические закономерности к реальным условиям.

– Чертовски верно, – без тени усмешки ответил По. Она впервые по-настоящему при нем улыбнулась. И ее лицо тут же преобразилось.

После того как они поговорили о ее работе в SCAS, они обсудили ее учебу в Оксфорде. Это был односторонний разговор; По понятия не имел, о чем она говорит. Он перестал врубаться в математику, как только цифры в уравнениях заменили буквами. Хотя стало ясно, что Флинн была права. Брэдшоу была ценным приобретением. Она обладала глубоким пониманием всех их профильных дисциплин, но ее настоящая сила заключалась в способности разрабатывать индивидуальные решения по мере необходимости. Флинн сказала ему, что это ее программа сложила порезы в его имя. Он поблагодарил Брэдшоу. Возможно, она спасла ему жизнь.

Она покраснела.

– Почему тебя зовут Вашингтон, По? – спросила Брэдшоу спустя несколько минут. Она смущенно улыбнулась, когда поняла, что сказала. Она перефразировала. – По, почему тебя зовут Вашингтон?

– Не знаю. Спроси чего полегче, – ответил По.

– Почему ты никому не нравишься? – спросила Тилли.

По взглянул на нее. Она не собиралась грубить. Казалось,

она просто не понимала сути «светской беседы»; если она о чем-то спрашивала, то лишь потому, что правда хотела знать ответ.

– А ты, значит, просто говоришь первое, что приходит тебе на ум?

– Прости, По, – пробормотала она. – Инспектор Стефани Флинн говорит, что мне следует поработать над своими социальными навыками.

– Все в порядке, Тилли. Зато это изумительно искренне, прямо как глоток свежего воздуха, – сказал он, не отрывая глаз от дороги, пока обгонял грузовик. – А то я и не подозревал, что так непопулярен.

– О, да. Я слышала, как заместитель директора следственного управления Джастин Хэнсон и детектив-инспектор Стефани Флинн о вас говорили.

– Хэнсон винит меня в том, что не получил повышения, – сказал По.

– Почему же, По?

– Многие не хотели, чтобы я расследовал дело Пейтона Уильямса, Тилли. Он был помощником члена парламента, и замглавы следствия Джастин Хэнсон, как и многие другие высокие чины, боялся вызвать скандал. Если бы они послушались меня с самого начала, Пейтон Уильямс был бы жив.

– О, – сказала она. – Мне не особенно нравится заместитель директора Джастин Хэнсон. Я думаю, он гнусный.

– Ты совершенно права, – сказал По. – Но вообще-то, се-

годня утром ты их слышать не могла. Даже я не слышал, о чем они говорили, а я был ближе к кабинету инспектора Флинн, чем ты.

– Не этим утром, – уточнила она. – Я была в конференц-зале Б с заместителем главы Джастином Хэнсоном, инспектором Стефани Флинн и директором Эдвардом Ван Зилом, когда показывала им данные МСКТ. Думаю, спустя какое-то время они просто забыли, что я еще там.

По промолчал. Он бросил взгляд в зеркало заднего вида. Флинн уже проснулась. Глаза у нее были красноватые и заspanные. Еще никому не удавалось выспаться в машине так же хорошо, как в постели.

Брэдшоу развернулась на сиденье и спросила:

– Вам ведь не нравится По, да, инспектор Стефани Флинн?

– О чем ты, Тилли? – воскликнула Флинн. Однако она выглядела встревоженной. – Конечно, мне нравится сержант По.

– О, – протянула Брэдшоу. – Я думала, когда директор Эдвард Ван Зил сказал, что Отделу анализа тяжких преступлений нужен По, потому что у него «энциклопедическое понимание серийных убийц», а вы ответили: «но микроскопическое понимание, как не быть придурком, сэр», – это ведь потому, что он вам не нравится?

По так громко расхохотался, что горячий кофе брызнул у него из ноздрей.

– Тилли! – сконфуженно простонала Флинн.

– Что?

– Никогда не пересказывай другим личные разговоры.

– О.

– Нехорошо так говорить. Ни о ком из нас, – пояснила Флинн.

Нижняя губа Брэдшоу задрожала, и По решил вмешаться.

– Не беспокойся об этом, Тилли. Нравиться всем вокруг не так важно, как все думают.

Она улыбнулась.

– Ну и хорошо, я ведь тоже никому не нравлюсь.

По обернулся, чтобы проверить, шутит ли она. Нет, она говорила всерьез.

Брэдшоу отвернулась к окну. Разговор был окончен.

По взглянул на Флинн в зеркало. Ее лицо покраснело от смущения. Он подмигнул ей, показывая, что не в обиде. Ему начинала нравиться Матильда Брэдшоу.

Остаток пути прошел без приключений, и они прибыли в отель «Шап-Уэллс» сразу после семи вечера.

Флинн и Брэдшоу регистрировались, пока По забирал свою почту. Хоть это и не был его официальный адрес, было нечестным ждать от почтальона, что тот побредет пешком через каменистые холмы к Хердвик-Крофту, и отель разрешил доставлять почту на имя По в их приемную.

Писем было совсем мало. Это был один из плюсов тихой

уединенной жизни; до него не добирались ворохи почтового мусора.

Флинн встретила его в приемной.

– Разобрались?

– Да, – вздохнула она. – Тилли хотела снять номер поближе к пожарному выходу, так что нам пришлось поменяться местами, зато теперь она довольна. Я велела ей поесть, а потом лечь спать пораньше.

– Тогда съездим к жертве номер четыре.

Длинная Мэг и ее дочери¹², место третьего убийства, и Каслриг, место первого, были двумя самыми впечатляющими доисторическими памятниками в стране. Это были всемирно известные каменные круги. В Камбрии также было бесчисленное множество других неолитических кругов, включая настолько мелкие, что их можно было отыскать только с воздуха.

По не знал ни одного круга поблизости от Кокермута. Он подозревал, что либо полиции, либо Сжигателю померещился круг, которого там на самом деле не было. Большинство холмов в Камбрии имели естественные скальные выступы и каменные образования, и если стоишь в центре одного из

¹² Длинная Мег и ее дочери (Long Meg and Her Daughters) – крупнейший кромлех на севере Англии, также известный под названием Круг Моганби (Maughanby Circle). Хронологически относится к бронзовому веку. Расположен близ города Пенрит. Это самый большой каменный круг на севере Англии и шестой по величине в северо-западной Европе.

таких, несложно представить, что эти валуны особым образом разместила здесь цивилизация каменного века тысячи лет назад.

Но По ошибался.

Возле Кокермута и вправду был каменный круг.

По вел машину по дорогам, что становились все уже. Он повернул направо у Дабуота, крохотной деревушки на берегу озера Бассентуэйт, и через пять минут сверкающие синие огни привели их туда, куда им было нужно.

По припарковался позади длинного ряда полицейских машин. У ворот стоял офицер в форме с планшетом в руках.

Он попросил показать их удостоверения и одарил По странным взглядом, пока записывал его имя.

– Там наверху есть каменный круг? – спросил По.

Коп в форме кивнул.

– На Равнине Эльва. Вроде бы это как-то связано с торговлей топорами в эпоху неолита.

Когда дежуришь на кордоне в глуши, практически больше нечем заняться, кроме как гуглить в телефоне.

– Это и есть внешний кордон? – уточнил По.

– Да, – ответил он. – Внутренний кордон там, наверху. – Коп указал на крутой, продуваемый всеми ветрами холм. Отсюда По никого не видел, но слышал голоса.

Взбираясь наверх, они встретили еще одного копа в форме, который спускался с холма. Он сообщил им, что они почти на месте. Они продолжали идти, пока не увидели сам

круг.

Круг располагался на ровной террасе на южном склоне Холма Эльва. Он был залит искусственным светом. Пятнадцать серых камней образовывали круг около сорока ярдов¹³ в диаметре. Самый высокий был не более ярда от земли, некоторые другие были едва заметны.

Это место кипело активностью, словно улей.

Сотрудники из службы экспертов¹⁴, одетые с головы до ног в белые костюмы криминалистов, кружили в организованном хаосе. Одни, работая, сосредоточенно ползали на коленках, другие собрались вокруг и внутри палатки для улик, водруженной в центре круга.

Внутренний кордон установили так, чтобы весь периметр каменного круга оказался огорожен бело-голубой полицейской лентой. По и Флинн представились уже другому копу с планшетом.

– Босс скоро выйдет, – сказал констебль в форме. – Я не могу впустить вас без его разрешения.

По кивнул. Хорошая дисциплина на месте преступления, как правило, означает грамотное руководство. Может, Йену Гэмблу и были не свойственны те вспышки озарения, что раскрывали невозможные дела, но он умело использовал свои сильные стороны. Да и что тут такого? В конце концов,

¹³ 1 ярд – 0,91 м, 40 ярдов – около 36,6 м.

¹⁴ CSI – Crime Scene Investigation – Crime Scene Analysts – служба экспертов-криминалистов.

девяносто девять процентов убийств раскрывали путем тщательного и методичного расследования.

Флинн повернулась к По:

– А есть ли смысл туда идти? Нам все равно выдадут фото, когда они будут готовы.

– Я взгляну по-быстрому, если ты не против. Хочу составить свое представление.

Она кивнула.

Один из мужчин в белом костюме поднял голову и увидел их. Он прервал разговор и направился в их сторону. За пределами кордона он снял маску. Это был Йен Гэмбл, старший инспектор. Он протянул руку для обмена рукопожатием с По.

– Рад снова тебя видеть, По, – сказал он. – Есть соображения по поводу того, почему твое имя было на груди последней жертвы?

По отрицательно мотнул головой. Никаких любезностей, никаких светских разговоров. Строго по делу.

– Ничего, займемся этим позже, – сказал Гэмбл. – Хочешь взглянуть?

– Да, чтобы составить первое впечатление.

– Логично, – согласился Гэмбл, затем развернулся к мужчине, стоявшему возле ящика с оборудованием. – Бойл! – крикнул он. – Принеси сержанту По костюм.

Услышав имя По, еще один мужчина в костюме судмедэксперта стащил свою маску.

Это был Килиан Рид.

Повысив голос так, чтобы было слышно на весь холм, Рид объявил:

– Непонятый коллегами, забытый руководством, недооцененный всеми остальными – леди и джентльмены, я представляю вам великого Вашингтона По.

По покраснел.

Его друг кинулся к нему, перепрыгнув через оградительную ленту. Гэмбл поморщился, а Рид до боли сжал протянутую руку По.

– Вот теперь, значит, как, – с усмешкой сказал Рид. – Мы с тобой видимся только в экстренных ситуациях. Что за жизнь, По? Дерьмово это.

По пожал плечами.

– Килиан.

Еще будет время наверстать упущенное.

Рид повернулся к Флинн и спросил:

– А вы откуда знаете этого нелюдимого чудака?

По представил их друг другу.

– Инспектор Флинн, это мой друг Килиан Рид. Он *был* детективом-сержантом в особо тяжких.

– И *все еще есть* детектив-сержант в особо тяжких, – уточнил Рид. – Я так понимаю, вы все остановились в «Шап-Уэллсе»? Я сниму там номер на ночь, и мы все сможем как следует выпить.

– Это будет лучшая ночь в моей жизни, – сухо сказала

Флинн.

По решил, что воссоединение друзей пока может подождать.

– Так что там внутри? – Он адресовал вопрос Гэмблу. Может, Рид и был его единственным другом в полиции, но местом преступления все равно заведовал Гэмбл.

– Ты знаешь «правило девяток»? – переспросил Гэмбл.

По кивнул. Это было медицинское правило для оценки степени ожогов. Голова и руки составляли по 9 процентов, а ноги, передняя и задняя части туловища – по 18 процентов. В сумме это составляло 99 процентов. Оставшийся 1 процент уходил гениталиям.

– Ну, наш парень совершенствуется, – сказал Гэмбл. – Первая жертва была замучена больше всех, но его ожоги покрывали только ноги и спину. Еще немного было спереди, а руки остались нетронуты. У второй жертвы ожоги были уже сильнее, а третья оказалась обожжена уже на девяносто процентов.

– А этот?

– Иди и сам взгляни.

Пока По переодевался в костюм, который принес Бойл, Гэмбл тоже сменил свой на новый, чтобы избежать проблем с перекрестным контактом. Флинн не стала утруждаться – она видела жертву номер три на месте преступления – и осталась с Ридом. По расписался при входе на внутренний кордон и проследовал за Гэмблом, ступая по доскам, разложен-

ным криминалистами, чтобы не затоптать ключевые улики.

Первым делом ему в нос ударил запах. В пяти ярдах от палатки криминалистов вонь стала невыносимой.

По знал про миф о том, что обожженные человеческие трупы пахнут свининой. Человеческая плоть – возможно, но сгорающие заживо люди не были обработаны так, как забытые животные. Им не спускали кровь, а их внутренние органы не удаляли. Пищеварительный тракт, полный пищи и фекалий, оставался в организме.

Все, что горит, имеет свой неповторимый мерзкий запах.

Кровь богата железом, и По смог уловить слабый металлический запах – наименее неприятный из всех здесь. Мышцы горят иначе, чем жир, внутренние органы – иначе, чем кровь, а вонь горящего кишечника отличается от всего остального. Смешанный смрад был густым, приторным и липким. И к нему добавлялся безошибочно узнаваемый резкий запах бензина.

Вонь впиталась в нос По изнутри и въелась в его глотку. Он будет ощущать этот запах и привкус еще несколько дней. Его тошнило и чуть было не вырвало, но он сумел сдержаться.

Гэмбл откинул перед ним полог палатки. По прошел внутрь. Полицейский патологоанатом все еще работал над телом.

Оно лежало на боку, скорчившись и изогнувшись в неестественной позе. Глазные яблоки лопнули, затем высох-

ли от жара, а рот был открыт, словно жертва умерла с криком. По знал, что жара делает с трупами странные вещи, и рот с тем же успехом мог открыться и после смерти. Руки были обожжены до обрубков, и хотя это, конечно, подтвердится позже, По был уверен, что «один процент» жертвы отсутствовал. Труп был цвета и консистенции грубой черной кожи. Он выглядел так, словно его окунули в лаву, а затем высушили в печи. Кроме подошв ног. Они все еще оставались потрясающе розовыми.

Патологоанатом поднял голову и что-то буркнул в знак приветствия.

– Как думаете, использовался тот же самый катализатор? – спросил По.

– Определенно, – ответил тот. Это был пожилой и худой мужчина. Судебно-медицинский костюм на нем раздувался, как воздушный шар. – Он указал на бедро жертвы: – Видишь эту трещину? Университет Западной Флориды несколько лет это исследовал, и теперь они знают, что внешний слой кожи изжаривается и разрывается первым. Нужно около пяти минут, чтобы более плотный слой кожи усох и растрескался, а так как обычный бензин горит всего минуту или около того, для подобного необходимо дополнительное топливо.

По не хотел знать, почему Университет Западной Флориды проводил подобные исследования. Еще меньше ему хотелось знать, *как* они это делали. Там, впрочем, казнили много заключенных, приговоренных к смертной казни...

– А если посмотришь сюда, – патологоанатом указывал на бедра, ягодицы и талию, – то увидишь, что весь жир уже исчез. Человеческий жир – хорошее топливо, но ему нужно что-то в качестве фитиля. Он был голым, так что мы знаем, что этим послужила не его одежда. Я узнаю больше, когда он окажется у меня на столе, но подозреваю, что каждый раз, как огонь угасал, убийца добавлял все больше катализатора.

– Как долго?

– Чтобы он умер?

По покачал головой.

– Чтобы тело превратилось в *это*.

– По моим прикидкам, от пяти до семи часов. Мышцы сокращались и сжимались, что и привело к его странной позе, а это требует времени.

– А подошвы ног?

– Все это время он стоял. Их защитила земля. – Он вернулся к своей работе.

– Ты не заметил, – указал Гэмбл, – но под телом есть небольшое отверстие. Жертву закрепляли в вертикальном положении. Это один из приемов, которые убийца применял с самого начала.

– Должно быть, он крепил их к чему-то металлическому, – сказал По. – Дерево бы сгорело и сломалось минут через пятнадцать.

Гэмбл ничего не сказал, и По понял, что он уже сам догадался.

– Но я думаю, что знаю, почему этот обгорел сильнее остальных, – сказал По. – Полагаю, вы здесь весь день?

– С десяти утра.

– Тогда вы не в курсе, что с дороги ничего этого не видно. Едва можно разглядеть огни на месте преступления. Круг скрыт от глаз, пока до него не дойдешь. Притом этой дорогой в основном пользуются те, кто едет на поле для гольфа и обратно. И большинство покидающих гольф-клуб, уезжают спиной к кругу, возвращаясь в Кокермут.

– Значит, у него было больше времени, – подметил Гэмбл.

По кивнул.

– А если он ждал до последнего захода на девятнадцатую лунку¹⁵, то шансов, что его заметят, не было.

– Это очень полезно.

По в этом сомневался. Они уже знали, что Сжигатель был крайне осторожен.

– Уже есть мысли? – спросил Гэмбл.

– Только то, что я никогда не приму приглашение на барбекю от Университета Западной Флориды.

Гэмбл кивнул, но не засмеялся.

Они покинули палатку и внутренний кордон и снова присоединились к Флинн и Риду. По с радостью снял тесный судбно-медицинский костюм.

¹⁵ Поле для гольфа имеет 18 лунок. На 19-й лунке могут быть проведены дополнительные соревнования после основного турнира, а также 19-я лунка является идеальной площадкой для проведения корпоративных мероприятий.

– Мы ничего не сообщали прессе о связи сержанта По с этим делом, инспектор Флинн, – сказал Гэмбл. – Я договорился с моим помощником, что мы можем использовать этот факт как дополнительный контрольный фильтр для тех, кто звонит и берет на себя ответственность за убийства. Информация строго конфиденциальна, так что не помещайте ее ни в какие документы.

– Это имеет смысл, – сказала Флинн, кивая. – И я думаю, нам также следует держаться подальше от официального расследования, сэр. И держать подальше от всего этого По. Пока можем поработать в отеле.

Гэмбл кивнул. У По создалось впечатление, что он испытал облегчение от того, что Флинн первой это предложила.

– А сержанту Риду, похоже, нравится сержант По, так что он может быть вашим связным. А пока я прикомандирую его к вам. Он позаботится, чтобы у вас было все необходимое, – сказал Гэмбл. – Помимо аналитической поддержки, SCAS может взяться расследовать, каким боком здесь замешано имя По? Постарайтесь выяснить, в чем связь с По. Мы будем обмениваться информацией в конце каждого дня, даже если это будет пустой отчет. Как тебе такое?

– Отлично, – сказала она.

Еще раз обменявшись рукопожатиями, По и Флинн направились к машине.

Как только они оказались вне пределов слышимости, Флинн повернулась к По.

– Что это было?

– Насчет «связного»?

– Да. Об этом. – Ее голос звучал сердито. – Неужели они мне не доверяют?

По пожал плечами.

– Они не тебе не доверяют, Стеф. А мне.

Глава 12

«Шап-Уэллс» был отелем с прошлым. Он был почти так же изолирован, как и Хердвик-Крофт, и добраться до него можно было лишь по крайне узкой дороге в милю длиной. Во время Второй мировой войны его изолированностью воспользовались в интересах союзников: отель реквизировали у графа Лонсдейла и превратили в Лагерь военнопленных номер пятнадцать. В лагере содержалось до двухсот пленных, в основном немецких офицеров, а начальником лагеря был немецкий принц, родственник королевы Марии.

Недалеко от отеля проходила главная железнодорожная линия, ведущая с севера на юг, и соблюдалась повышенная безопасность, так как поезда облегчали бегство военнопленных из лагеря. Вокруг отеля возвели два забора из колючей проволоки, а вышки позволяли охранникам освещать каждый угол мощными прожекторами. Бетонные основания тех сторожевых башен все еще можно было заметить, если знать, куда смотреть. По знал: он хорошо изучил этот отель. Его машина была постоянно там припаркована, он пользовался бесплатным вайфаем, когда ему нужен был интернет, и он ел в ресторане отеля по крайней мере дважды в неделю.

На следующее утро, перед тем как отправиться в отель, По оставил Эдгара у Томаса Хьюма – фермера, который в прошлом году продал ему ферму и прилегающие земли. Они

подружились и время от времени оказывали друг другу услуги. По разрешил Хьюму пасти овец на своей земле и помогал ему с кладкой каменных оград – в основном когда Хьюму требовалась мускульная сила, а не инженерные способности. А когда По не было дома, фермер присматривал за Эдгаром.

Хотя обычно По шел пешком две мили до отеля, в то утро он взял свой квадроцикл. Он забрал почту на стойке администратора, новозеландки, которая всегда ему улыбалась, и отправился искать Флинн и Брэдшоу.

Они только что позавтракали, и По тоже налил себе кофе. На Флинн был уже другой деловой костюм, на этот раз черный. Брэдшоу была в тех же брюках-карго и кроссовках, но в другой футболке. На этой был выцветший принт «Невероятного Халка» и фраза «Не зли меня». Сначала По удивился, что Флинн не возражает против такого стиля. Но, слегка подумав, решил, что искусство руководства и состоит в том, чтобы избегать бессмысленных споров.

Через пять минут к ним присоединился Килиан Рид. Флинн раздраженно нахмурилась, но пожала ему руку. Рид сообщил им о четвертой жертве. Тело еще не опознали, но уже готовили к вскрытию. Гэмбл хотел знать, нужно ли SCAS пропустить его через МСКТ. Флинн подтвердила, что обязательно.

На время их совместной работы Флинн удалось заполучить у отеля небольшой конференц-зал. По был доволен, что они будут работать в стороне от основного расследования.

Он никогда не был самым популярным копом в Камбрии: его склонность говорить правду властям означала, что его в лучшем случае терпели, и он знал, что его отстранение из NSA было радостно встречено на его прежнем месте службы. Ему было плевать, но он не хотел, чтобы продолжающаяся конфронтация мешала их новой работе.

Они расположились в садовой комнате на первом этаже. Несмотря на возраст и величие отеля, номер был современным и хорошо оборудованным. Флинн выбрала комнату больше, чем им было нужно. Это позволило им разделить ее на рабочие зоны. Первые полчаса они провели, устанавливая оборудование Брэдшоу и расставляя столы так, чтобы у них была конференц-зона и достаточно места для передвижения. Им не разрешалось ничего прикреплять или клеить к стенам, поэтому Флинн запросила дополнительные доски и офисные мольберты.

Оперативный штаб всегда был сердцем важных расследований, и По ощутил знакомое возбуждение: в новом расследовании было нечто волнующее. Вскоре пока еще чистые доски заполнятся подсказками и вопросами. Тем, что они уже знают, и тем, что только предстоит, но необходимо узнать.

Было ясно, что это расследование сильно отличается от всех, в которых он участвовал раньше. В официальном оперативном штабе в Карлтон-Холле у Гэмбла была целая армия персонала: от полевых офицеров и координаторов до

экспертов по работе с уликами, работников информационного отдела, компьютерщиков и аналитиков.

В «Шап-Уэллсе» их было всего четверо. Это раскрепощало.

Когда Брэдшоу подключила компьютеры, они начали. Флинн приступила.

– Я предлагаю начать с того, почему имя По оказалось вырезано на груди Майкла Джеймса. Есть возражения?

По дал всем возможность высказаться. Все молчали.

Он сам поднял руку.

– Просто кое-что подумал.

Все посмотрели на него.

– Мне кажется, по крайней мере пока, стоит считать это отвлекающим маневром. Я не знаком ни с одной из жертв, и я знаю, что Гэмбл изучает все мои старые дела, чтобы увидеть, подходит ли кто-нибудь из тех, кого я отправлял за решетку, под профиль серийного убийцы. Что мы можем к этому прибавить?

– Я так понимаю, ты предлагаешь альтернативную линию расследования? – уточнила Флинн.

По кивнул.

– Есть вопрос гораздо важнее, и на него еще нет ответа.

– Какой именно? – спросил Рид.

– Почему временной промежуток между первой и второй жертвой был таким длинным, а промежутки между второй, третьей и четвертой – такими короткими?

Флинн выглядела слегка раздраженной, и По знал почему. Опыт подсказывал – и это подтверждалось статистикой, – что серийные убийцы медленно начинали, а затем ускорялись.

Он продолжил, пока она не успела его прервать:

– Знаю, ты сейчас прочитаешь мне лекцию о серийных убийцах и о том, что их жажда убивать на время утоляется после первого убийства, но затем периоды затишья становятся все короче. Верно?

Флинн кивнула.

– И никто из жертв не знал друг друга, так?

На этот раз ответил Рид:

– В ходе расследования между ними не обнаружили никаких связей. Конечно, я не могу утверждать насчет четвертого убитого, его еще не опознали.

– К чему ты клонишь, По? – спросила Флинн.

– Я хочу сказать, Стеф, что ты рассуждаешь как человек, не знающий Камбрии. Пусть это и третий по величине округ в Англии, но он малонаселен.

– И это значит?..

– Статистически маловероятно, что эти люди *не* знали друг друга.

Флинн и Рид уставились на него. Брэдшоу, для которой слово «статистика» было стартовым выстрелом, принялась печатать.

– Я отсюда, и Килиан тоже, и мы можем сказать, что здесь

все друг друга знают.

– Не слишком убедительно, – засомневалась Флинн.

– Да, – согласился По. – Но если учесть, что все жертвы принадлежали к одной возрастной и социально-экономической группе, вероятность того, что они не знали друг друга, становится еще меньше. Это не Найтсбридж. В некоторых районах Камбрии ВВП ниже, чем в Чешской Республике. Как думаешь, сколько у нас миллионеров?

Все замолчали, лишь Брэдшоу стучала по клавиатуре.

– Но мы уверены, что жертвы незнакомы, – настаивала Флинн. – Или ты хочешь сказать, что мы все что-то упустили?

По пожал плечами.

– Вроде того, но пока вернусь к первому пункту. Почему между первой и второй жертвой был такой большой разрыв?

Он ждал ответа.

– А что, если эти люди и вправду знали друг друга, но скрыли это путем согласованных усилий? А что, если жертвы поняли, что их выслеживают? И только они видели связь и схему. Сначала был убит Грэм Рассел, ну что ж. Он владел информацией со взломанных телефонов жертв убийств и педофилии по всей стране. Список людей, желавших ему зла, наверняка был просто огромен. И что бы там сейчас ни говорилось в досье, мы знаем, что Гэмбл изначально выбрал именно такую линию расследования. Если я прав, возможно, остальные будущие жертвы просто решили, что Расселу не

повезло. Но когда жертва номер два была убита тем же образом, даже самые оптимистичные из них должны были сообразить, что происходит. Значит, Сжигателю больше нельзя было медлить; если он на самом деле «работает по списку», у него есть все основания ускориться.

Флинн нахмурилась.

– Но если они знали, что их преследуют, почему не обратились в полицию?

– Они не могли, – сказал Рид. – Если По прав, то их может связывать что-то, о чем они не могут рассказать.

– И учитывая их личное богатство, это почти наверняка что-то незаконное, – добавил По.

– Но мы точно не знаем, когда этих людей похитили, – сказала Флинн. – Вполне возможно, что их всех похитили еще до первого убитого.

Ни одна теория не идеальна, подумал По.

– Три целых, шесть десятых процента, – сказала Брэдшоу, оторвавшись от компьютера.

Все уставились на нее.

– Используя программу, которую я только что написала, я подсчитала, что вероятность того, что трое мужчин из этой социальной группы в округе с населением семьдесят три целых и четыре десятых человека на квадратный километр не знают друг друга, составляет три целых и шесть десятых процента. Есть некоторые переменные, которые делают вероятность как минимум два процента и как максимум три целых

и девять десятых, но математика верна.

Рид уставился на нее с открытым ртом.

– Ты *написала* программу? – Он посмотрел на часы. –
Меньше чем за пять минут?

Брэдшоу кивнула.

– Это было нетрудно, сержант Рид. Я просто адаптировала
ту, что у меня уже была.

По встал.

– Значит, так и есть. Мы не спорим с Тилли и математи-
кой.

Брэдшоу бросила на По смущенный, благодарный взгляд.

– Тогда за работу, – сказала Флинн.

Двенадцать часов спустя вся команда была мрачнее тучи.

Они не нашли ни малейшего намека на то, что эти люди
могли знать друг друга. Они не состояли в одних и тех же
гольф-клубах, не заседали вместе в благотворительных со-
ветах, и в тех редких случаях, когда они обедали в одних
и тех же ресторанах, это происходило в разное время. Брэд-
шоу умудрилась раздобыть данные по их «картам постоян-
ного покупателя» из супермаркетов, и выяснилось, что они
даже закупались в разных магазинах. Рид позвонил Гэмблу,
который пообещал еще раз опросить их соседей и друзей на
случай, если полиция что-то упустила, но теория По выгля-
дела неубедительной.

К их несчастьям прибавилось еще и то, что их импрови-

зирванный «оперативный штаб» оказался в неподходящем месте. К ним постоянно вламывались посторонние, из-за чего они не могли разместить на досках ничего конфиденциального, а также снимки тел и мест преступлений. То разносили чай и кофе, то распорядительница осведомлялась, вдруг им что-то нужно, а в трех отдельных случаях в комнату вторгались жильцы отеля, думая, что это столовая. Один тупица – даже дважды.

Вишенкой на торте стало то, что в конце каждого дня они будут обязаны снимать, упаковывать и забирать по номерам все свои наработки, так как это помещение не защищено от постояльцев. И это несмотря на то, что сегодня они только успели разложить все необходимое по местам. В воздухе сгустилось ощущение уныния.

В дверь постучали, и в комнату просунулась голова распорядительницы.

– Я знаю, вы просили вас не беспокоить, но вдруг вам нужно меню на ужин? Столовая сейчас закроется.

– Могу я внести предложение? – спросил По, когда она ушла. – Почему бы нам не поработать завтра у меня дома? На первом этаже открытая планировка и комната примерно того же размера, что и эта. У меня не запрещено крепить что-то на стены, и материалам там безопаснее, чем здесь. К тому же, большую часть времени я все равно сижу дома.

– Я не уверена, По, – сказала Флинн. – Не забывай, что ты можешь стать следующей жертвой.

– Тем более надо перенести все туда. Ведь мне не придется каждый день добираться до отеля и обратно. Если кто-то и попытается меня схватить, то лишь когда я в одиночку выйду на пустоши.

На мгновение воцарилось молчание, пока Флинн обдумывала услышанное.

– Тилли? – спросила она. – Ты сможешь поймать там сеть?

– Если нет, то раздам интернет со своего телефона на все наше оборудование.

– А как мы туда доберемся? – спросила Флинн у По. – Я была рада пройтись один раз, но повторять это ежедневно не намерена.

– Я оставлю тебе и Тилли мой квадроцикл. Все, что вам нужно взять с собой, можно привезти в прицепе.

– А что насчет меня? – спросил Рид.

– Тебя? Хрен тебе, прогуляешься, – сказал По.

Рид усмехнулся.

Все посмотрели на Флинн, ожидая ее решения.

– Ну что ж, попробовать стоит, – вздохнула она, – Сегодняшний день был просто катастрофой.

Глава 13

По забрал Эдгара, а затем вернул квадроцикл в отель. Прогулка через холмы до Хердвик-Крофта была бодрящей. Угасающий свет окрасил все вокруг в насыщенный темно-красный цвет. Эдгар помчался за кроликом, но вскоре вернулся обратно. По сомневался, что пес в курсе, что делать, если когда-нибудь его догонит. По приготовил себе простой ужин: бутерброд с сыром и маринованными огурцами, пакетик чипсов и чашку крепкого чая. День, может, и не был удачным, но По был уверен, что прав: Сжигатель выбирал жертв, исходя не только из возраста и богатства. По пересмотрел ход своих мыслей. Он надеялся, что был прав. А если нет, то где-то бродит организованный, знающий свое дело, технически подкованный серийный убийца, который обожает кастрировать и сжигать людей.

И По был следующим.

Эдгар завыл бы, как волк, если бы кто-то приблизился к ферме среди ночи, но впервые с тех пор, как По здесь поселился, он запер дверь и закрыл окна ставнями. Удивительно, но спал он хорошо. Ни единого кошмара.

Едва проснувшись, По увидел, что их ждет еще один чудесный весенний день. Он сварил яйцо, выгулял Эдгара и стал ждать приезда команды. Рид был первым – он пришел со стороны дороги. Флинн и Брэдшоу появились во дворе

чуть позже.

Брэдшоу радостно завопила, увидев Эдгара.

– Ты не говорил мне, что у тебя есть собака, По! – воскликнула она. На следующие десять минут работа была забыта, так как Брэдшоу и Эдгар мгновенно подружились. Спаниель, вечно помешанный на внимании, бросился прыжком к ней, одаривая ее слюной и собачьей шерстью. Брэдшоу взвизгнула от смеха и обвила руками его шею, словно боясь, что он сбежит. По передал Тилли несколько лакомств для Эдгара, и они тут же стали не разлей вода.

– Запомни, Тилли, если он покажет тебе свою помаду, не трогай ее, – сказал Рид, подмигивая По.

Брэдшоу уткнулась лбом в шею спаниеля.

– Откуда у тебя губная помада, Эдгар? Что за чудак сержант Рид. Наверно, он имел в виду твой пенис.

Когда они вдоволь насмеялись над Ридом, который в изумлении открыл рот, Финн призвала их к порядку.

– Поиграешь с Эдгаром позже, Тилли. Нам нужно работать.

По распахнул все окна, и в комнату хлынул весенний солнечный свет. Первый этаж Хердвик-Крофта был незатейливо прямоугольным, без всяких потайных уголков. Два окна на фасаде, ни одного позади, и всего одна дверь. По объяснил, что много лет назад, в суровые зимы, пастух жил наверху, а овец укрывали в комнате, где сейчас расположилась команда. Так убивали двух зайцев – защищали от холода овец,

заодно согревая само здание. Стены внутри были такими же, как и снаружи: голые, грубо обработанные камни. Потолочные балки были старыми, крепкими и почерневшими от векового воздействия дыма. Большую часть комнаты занимала деревянная печь. Дрова в ней были, но еще не горели. Хотя день был теплый, По все же собирался попозже растопить печь – так он грел воду.

По поставил кофейник на середину стола, и они принялись за работу. Поскольку это было его направление расследования, Флинн позволила ему вести первое совещание.

– Вернемся к тому, что у них общего. Давайте предположим, что эти люди и вправду когда-то знали друг друга. Может, они и скрыли этот факт, но в этом и заключается работа детективов – мы должны это выяснить.

Брэдшоу подняла руку.

По подождал, но она молчала. Он в замешательстве смотрел на нее, пока не вспомнил, что еще год назад вся ее жизнь проходила в классах и лекционных залах.

– Тилли, ты не обязана поднимать руку. Что такое?

– Я не детектив, По. Я служу в Национальном агентстве по борьбе с преступностью, но у меня нет полномочий на арест, как у вас, детектива-сержанта Рида и детектива-инспектора Стефани Флинн.

– Ээ... спасибо, что пояснила, Тилли. Будем знать.

Брэдшоу кивнула.

Следующие четыре часа они изучали жизни – и смерти –

Грэма Рассела, Джо Лоуэлла и Майкла Джеймса. В полдень Риду позвонили.

– У нас есть имя четвертой жертвы, – сообщил Рид, положив трубку, – Клемент Оуэнс. Шестьдесят семь лет. Адвокат в отставке. Работал в частном секторе и представлял банковскую отрасль. Кроме его богатства – никакой очевидной связи с остальными. Скоро у нас будет больше информации.

Флинн объявила перерыв. Все проголодались, а она захватила с собой сэндвичи. По предложил поесть на улице.

Хотя По и наслаждался суровой красотой камбрийской зимы, он прожил в Шапе уже больше года и определенно мог сказать, что весна – его любимое время года. Зима лишала холмы жизни, не тронув только вездесущих овец. Оставались акры и акры¹⁶ горького, бесцветного пейзажа, насколько хватало глаз. Весна казалась возрождением. Дни становились длиннее, побегии проснувшихся растений пробивались сквозь теплую землю, и зацветал вереск. Ожили причудливые лишайники и мхи. Свирепые, леденящие ветры сменились теплыми, благоухающими бризами. Птицы гнездились, животные размножались, и в воздухе вновь витало чувство оптимизма. Это было время года, заставляющее ценить красоту и медленный темп жизни в сельской Камбрии.

¹⁶ Акр – земельная мера, применяемая в ряде стран с английской системой мер (например, в Великобритании, США, Канаде, Австралии и др. 1 акр = 4046,86 м² ≈ 0,004 км² = 0,405 гектара.

Пока Флинн говорила по телефону, а Брэдшоу гонялась за Эдгаром по всему Шап-Феллу, По повернулся к Риду и сказал:

– Рад снова тебя видеть, Килиан. Сколько уже прошло?

– Пять лет, – пробурчал Рид с полным ртом яичницы.

– Пять лет? Не может быть. В последний раз я видел тебя...

– На похоронах моей матери, – с укором закончил Рид.

Кровь прилила к щекам По, заставив его покраснеть. Мать Рида умерла от заболевания двигательных нейронов после долгих лет болезни. Он был прав, в последний раз По виделся с ним на похоронах.

– Прости, дружище, – сказал он, но Рид лишь отмахнулся. – Как отец поживает? – спросил По.

– Ты же его знаешь, По. Он ушел на пенсию только потому, что мама сказала, что уже пора. До сих пор понемногу работает на конюшне в Ланкашире. Я даже не уверен, что ему платят. Он так коротает свое время. А между этим дремлет у камина или читает книги о скачках.

Отец Рида был крайне уважаемым ветеринаром, специализировавшимся на скаковых лошадях. Мальчиком По любил приходить в ветеринарную практику Джорджа Рида. Там всегда были животные, с которыми хватало хлопот.

– А как твой папа? – спросил Рид, улыбаясь. – Все еще битник?¹⁷

¹⁷ Битник – молодой человек в 1950-х и начале 1960-х, принадлежащий к суб-

По улыбнулся в ответ. Это было недалеко от истины. Его отец жил ради путешествий и редко возвращался в Великобританию. Он надолго осел в одном месте, только когда воспитывал По. А мать не выдержала такой традиционной скучной жизни, и бросила их обоих, когда он был совсем маленьким. Отец временно пожертвовал своим кочевым духом и воспитывал сына в одиночку. Как только По присоединился к «Черным стражам», он снова ушел. Они поддерживали связь по электронной почте, но не виделись уже почти три года. Насколько По знал, его отец был где-то в Бразилии. По был совершенно не в курсе, чем он там занимался. Он мог сидеть глубоко в джунглях или баллотироваться на политический пост, сказать наверняка было невозможно. Отец очень любил По, но никогда не был тем, кого можно назвать «традиционным» родителем.

Мать По умерла через несколько недель после того, как его отстранили от работы, – кто-то сбил ее насмерть и скрылся с места преступления. По узнал об этом лишь через пять недель после кремации, когда отец прислал ему электронное письмо.

По опечалила ее смерть, точно так же, как опечалила бы смерть любого человека, но он на этом не заикливался. Она уже давно сделала выбор, поставив собственные потребности выше его.

– Ты с кем-нибудь встречаешься? – спросил Рид.

По отрицательно мотнул головой. Ему всегда было трудно строить отношения. У него было несколько женщин в период жизни в Хэмпшире, но ни с одной из них роман не длился дольше нескольких недель. Психотерапевт сказал бы ему, что это из-за глубоко укоренившегося страха быть покинутым, но По ответил бы, что тот не прав: он не боялся быть покинутым, он ничего другого и не знал.

– А ты? – спросил он Рида.

– Ничего постоянного.

– Да мы просто парочка романтических ублюдков! – усмехнулся По.

Флинн вернулась, завершив телефонный разговор.

– Я только что говорила с директором Ван Зилом, – сообщила она. – Он не против, чтобы мы оставались здесь, сколько понадобится. Я рассказала ему о новой линии расследования, и он согласен, что стоит продолжать.

Она села, плеснула себе кофе и взяла сэндвич. Она выглядела усталой, и По знал, что расследование ее вымотало. Ничего из этого не имело смысла – особенно его связь с делом – и SCAS должны были отвечать на вопросы, а не задавать их.

Солнце светило ярко, и вид был, как всегда, потрясающий. Неровная земля, голые холмы и зубчатые скалы на многие мили вокруг. Эдгар попытался выпросить корочки у Флинн, но, в отличие от Брэдшоу, скормившей ему почти весь свой обед, Флинн казалась невосприимчивой к классическому приему с печальными собачьими глазами. Эдгар

понял, что угощения не дождется, и побрел прочь. Вскоре раздался вопль. В воздух в панике взмыл кроншнеп¹⁸. Эдгар вернулся, весьма довольный собой.

– Оставь птиц в покое, Эдгар! – Крикнул По, пока пес не успел разыскать на земле гнездо. Меньше всего По хотелось, чтобы спаниель вернулся к Брэдшоу с полной пастью птенцов. Эдгар с неохотой поплелся обратно на ферму.

Флинн стряхнула крошки с пиджака. Она была в том же костюме, что и в первый день ее приезда сюда – в тонкую полосу. На Брэдшоу были футболка и неизменные брюки-карго. Рид выглядел безукоризненно; он всегда был модником и никогда не одевался небрежно. Когда они с По вместе появлялись в обществе, Рид непременно был в костюме, и По подозревал, что его тяготит и смущает нехватка изысканности у друга. По все еще был во вчерашних вещах, и это напомнило ему, что его почта так и лежит нераспечатанной в кармане.

Он достал пачку писем и быстро просмотрел их. Одно письмо было от поставщика газа, уведомлявшего, что пришлось перенести срок поставки нового бака. Другое – от продавцов скважинных насосов, сообщавших, что его гарантия истекла. Если бы По захотел продлить ее, то платил бы шесть фунтов в месяц. А По не хотел.

¹⁸ Кроншнеп – крупная (с ворона) болотная птица из семейства ржанковых, с длинным изогнутым книзу клювом, перепончатыми лапами, коричневым полосатым оперением и характерным восходящим криком из двух нот.

Последним был простой коричневый конверт. На лицевой стороне было впечатано имя По, с местным почтовым штемпелем. По вскрыл конверт ножом и вытряхнул содержимое.

Это оказалась открытка. Фотография чашки кофе крупным планом. Рисунок на кофейной пене явно сделал кто-то с излишком свободного времени. «Кажется, это называется латте-арт», – подумал По. Таким увлекались в Лондоне, а не в Камбрии.

По перевернул открытку. Должно быть, он резко втянул воздух, потому что Флинн, Рид и Брэдшоу разом повернулись и уставились на него.

– В чем дело, По? – спросила Флинн.

Он повернул открытку так, чтобы всем стала видна надпись на обороте.

Один символ, два слова.

?

Вашингтон По

Глава 14

– Какого черта? – пробормотала Флинн. Она внимательно смотрела на По. – Что это такое?

По не отрывал глаз от открытки.

– Понятия не имею, – выдавил он.

Было ясно, что остальные тоже. Все замерли. В повисшей тишине стало слышно, как Эдгар грызет найденную кость. Никто не хотел знать, откуда он ее притащил.

– И что это за чертовщина с зеркальным вопросительным знаком? – добавила Флинн. Она сложила конверт и открытку в прозрачные пакеты для улик, а Рид позвонил Гэмблу, чтобы о них сообщить. Тот пообещал прислать кого-нибудь, чтоб забрать это все на экспертизу, но никто из них особых надежд не питал. Камбрийский Сжигатель не допускал ошибок даже в хаосе на местах своих преступлений и тем более не совершил бы промах, когда ему не было нужды спешить.

Брэдшоу сфотографировала открытку с двух сторон, прямо через пакет для улик, чтобы у них осталась электронная копия. Она всматривалась в свой планшет почти десять минут, время от времени касаясь экрана и раздвигая пальцы, чтобы увеличить изображение. Затем она нахмурилась и принялась что-то бормотать себе под нос.

– В чем дело, Тилли? – спросила Флинн.

– Мне нужно в дом, – ответила та и поднялась, не сказав

больше ни слова. Пока остальные ее догоняли, она уже открыла ноутбук и что-то искала. – У тебя есть белая простыня, которую можно повесить на стену, По?

По нашел простыню, и, к счастью, она была чистой. Рид помог ее повесить, пока Брэдшоу устанавливала привезенный с собой проектор.

Когда они закончили, Брэдшоу уже была готова. Она направила луч проектора на импровизированный экран, перешла на домашнюю страницу Google и набрала «точка переконтации». Ничего не произошло, и Брэдшоу извинилась за медленное подключение к интернету.

Затем загрузилась картинка. Это был тот же самый символ – зеркальный вопросительный знак:

Под ним было определение:

Точка переконтации, иногда называемая меткой сарказма или иронии, – это малоизвестный знак препинания. Используется для обозначения того, что предложение следует воспринимать риторически, иронически или как сарказм.

Также может использоваться для указания на то, что в предложении есть еще один смысловой уровень.

– Тилли, – спросила Флинн, – к чему ты клонишь с...

– Пусть сама скажет, босс, – сказал По. – Кажется, я знаю.

Брэдшоу с благодарностью посмотрела на него.

– Спасибо, По. Я хочу сказать инспектору Стефани Флинн, что если я сделаю вот так, – она вертела проектор, пока он не потерял фокус, – то как будет выглядеть точка перконтации?

По прищурился, хотя уже и так понял. Он наблюдал за Флинн, пытаясь понять, видит ли она то же самое.

– Похоже на цифру пять, – сказала Флинн.

Брэдшоу взволнованно кивнула.

– Мы предполагали, что убийца вырезал цифру пять на груди Майкла Джеймса, но что, если это просто апофения, а это значит...

– Мы в курсе, что такое апофения, Тилли, – перебила Флинн.

– ...видеть закономерности там, где их нет, – все равно закончила Брэдшоу. – А что, если мы увидели цифру пять, так как привыкли искать числа? И моя программа работает на принципе вероятности – она не распознала бы точку перконтации, поэтому просто вставила ближайший похожий знак.

– Цифру пять, – констатировал По.

– Да, По, – подтвердила Брэдшоу. – Число пять будет бли-

жайшим совпадением с контрольными точками программы. После нее ближайшей станет буква «S».

– Есть ли какой-то способ сверить с первоначальными рамками? – спросил По.

– Да, По. На моем ноутбуке еще остались данные.

Брэдшоу нажала несколько кнопок на своем ноутбуке, и на стене появилось трехмерное изображение имени По. Это было самое четкое из изображений надписи; все буквы взяли с разных слайдов, чтобы каждая из них была лучшего качества.

– Сможешь отделить этот символ? – спросил По. Мысленно он уже отбросил цифру пять.

Брэдшоу повозилась еще немного. Всего было пятьдесят изображений этого знака, каждое из них сделали на немного разной глубине. Она запустила их в слайд-шоу, начав с поверхностных снимков. Из-за повреждений обгоревшей плоти раны на первых нескольких слайдах действительно выглядели словно номер пять. Но чем на большей глубине было снято изображение, тем четче становились порезы. Последние несколько кадров были совсем неясными – всего лишь несколько царапин в груди. Она снова поднялась на пару слоев.

– Вот, – сказал Рид. – Вот оно.

Брэдшоу остановила слайд-шоу.

Они уставились на экран. То, что они раньше считали нижней частью номера пять, на самом деле было отдельной,

хоть и меньшей, раной. Сжигатель добавил одну колотую рану под изогнутой частью зеркального вопросительного знака, чтобы изобразить точку. А затем прокрутил нож, чтобы добавить глубину и четкость. Когда огонь заставил плоть трескаться, эта рана треснула по пути наименьшего сопротивления, продолжившись и слившись с нижней частью символа. В итоге поверхностные изображения с МСКТ, казалось, образовывали номер пять, но на слайдах с нижних слов – нет. Это было не идеальным объяснением, но По подозревал, что Сжигатель, пытаясь вырезать изящный и редкий символ на груди извивающейся, кричащей жертвы, просто сделал все, что мог.

И поскольку все этот знак пропустили, он отправил открытку.

Если они были правы – а По так и считал, – то он не был намеченной пятой жертвой. Это была хорошая новость. Плохая новость заключалась в том, что Сжигатель знал, где он живет.

По сказал:

– Ну, босс, не знаю, как ты, но если бы мне пришлось ставить на это деньги, я бы сказал, что это не номер пять, а точка перфорации.

– Точка *перконтакции*, – поправила Брэдшоу.

– Согласна, – сказала Флинн. – Слишком большое совпадение, чтобы это было не так.

По ощутил укол волнения. Брэдшоу объясняла, что точ-

кой перконтации также обозначают закодированный смысл, иносказательное или тайное значение предложения или фразы. Он поднял пакет с уликами.

– Все согласны, что это прислали потому, что мы не поняли первое сообщение?

Флинн помолчала и произнесла:

– Больше мы ничего не можем придумать.

– И на первых двух жертвах точно ничего не было? – спросил По.

– Нет, – ответил Рид. – Их проверили задним числом.

– А SCAS вызвали после второй жертвы, но уже после вскрытия?

Флинн кивнула.

– Так что будет логичным сказать, что если у кого-то есть сообщение для SCAS, то использовать нужно тело третьей жертвы, а не первой.

– С точки зрения логики я не стану с этим спорить, – согласилась Флинн. – Но что нам делать дальше?

– Думаю, нам следует еще раз взглянуть на грудь Майкла Джеймса, – сказал По. – На все слайды, а не только отдельные моменты. Но теперь мы походим вокруг да около, поищем нестандартный угол зрения.

Рука Брэдшоу взметнулась вверх.

– *Метафорически*, – добавил По, не сбиваясь с ритма. Ее рука снова опустилась.

Брэдшоу вывела на экран трехмерное изображение имени

По, и все принялись изучать его.

– Это все, что у нас есть, Тилли? – спросил Рид.

Как и до этого, она показала им серию слайдов. Последний снимок был с более глубокого слоя – на нем были фрагменты ран, использовавшихся для написания слов «Вашингтон По». Эти порезы были такими глубокими, что задели ребра. Большинство других были не столь глубоки. Ни один из других слайдов, казалось, не предлагал ничего нового, и она вернулась к первому.

Минут пять никто не произносил ни слова, впитывая глазами спроецированное на стену изображение. Тилли открыла столько окон, сколько смогла разместить на простыне, и заполнила их разными снимками.

– Есть мнения? – спросила Флинн.

По так впился глазами в картинки, что они стали расплываться. Как и точка перконтации, верхние изображения были искажены огнем сильнее всех. Края ран были не такими резкими, как на снимках из более глубокого слоя тела.

Брэдшоу вывела на экран еще несколько картинок. Новые изображения отличались от тех, что они видели раньше. Огонь не успел проникнуть так глубоко, и раны, которые Брэдшоу показывала на простыне, были еще четче. Тоньше и точнее.

По наклонился вперед, прищурился, вглядываясь в одно из изображений, и сказал:

– Это мне кажется или эти буквы выглядят по-другому?

Брэдшоу ответила первой:

– Ты прав, По! Наклон у букв не соответствует. И расстояние тоже. – Она словно из ниоткуда достала лазерную указку и направила ее на простыню. – Я изучала судебный почерк и думаю, что вторая и третья буквы в слове «Вашингтон» и первая в слове «По» были написаны левой рукой. Разница в интервалах также предполагает, что их написали прежде, чем вписать буквы с наклоном правой рукой.

– Стеф, – сказал По, – это твое расследование. Что думаешь?

Флинн встала и подошла к импровизированному экрану. Она провела пальцами по этим трем буквам, затем повернулась и сказала:

– Я думаю, вы оба правы. Кажется, эти три буквы и вправду отличаются, и я думаю, они действительно что-то значат. К сожалению, они нам не сильно помогут.

Глава 15

По ощутил себя словно сдувшийся мяч. Он молча ждал, пока Флинн объяснит.

– Это анаграмма, – сказала она.

По никогда не был силен в словесных головоломках; его склад ума был скорее гуманитарным, чем аналитическим. Рид в этом был еще хуже его, что удивительно для человека со столь богатым словарным запасом. Брэдшоу, вероятно, могла разгадывать анаграммы, одновременно решая сложные уравнения.

Но даже По сумел бы найти решение для задачи из трех букв.

Флинн не дала ему времени на раздумья.

– Это «Шап»¹⁹, – сказала она. – Вот почему буквы отличаются. Это было сделано нарочно, чтобы мы гарантированно пришли к *нужному* Вашингтону По.

По тут же задумался; он знал кое-что, чего не знала Флинн.

– Ты когда-нибудь гуглила свое имя, Стеф?

Флинн слегка покраснела и ответила, что нет.

«Да, гуглила», – подумал он. *Все так делают.*

¹⁹ В оригинале это четыре буквы: Washington Poe – Shap.

По сам был из тех, кому откровенно плевать, что думают о нем люди, но даже он гуглил. Когда Пейтон Уильямс умер и кто-то – почти наверняка заместитель директора Хэнсон – слил имя По прессе, он держался подальше от интернета, пока журналисты клеймили его линчевателем. Честно говоря, это было несложно; к тому времени он уже был отстранен от работы и жил в Хердвик-Крофте, где праздный серфинг по сети был невозможен. Но любопытство – забавная штука. Однажды вечером он сидел в баре в «Шап-Уэллсе» и, воспользовавшись бесплатным вайфаем, набрал свое имя в Google.

Он сделал это впервые.

Результаты его поразили. Такая волна злобы в его адрес была довольно странной. Пейтон Уильямс похитил и убил двух женщин, чуть не убил третью, и все же в глазах некоторых людей По был плохим парнем. Он подумал о старых добрых временах, когда иметь твердое мнение по темам, о которых ничего не знаешь, считалось неприличным. Но факты больше не имели значения. Популизм и фальшивые новости, похоже, превратили половину населения в безмозглых троллей.

Но... еще одна вещь, которую он узнал из поиска в Google: что у него есть лишь один полный тезка – американский политик из Джорджии, да и тот умер в 1876 году.

По был уверен, что должны быть и другие, но сомневался, что Гэмблу понадобились бы его имя и местонахождение.

ние, чтобы понять, какого Вашингтона По имел в виду Сжигатель. По представил себе, как детективы в Камбрии – а с некоторыми он работал годами, говорят: «А, *этот* Вашингтон По. Ну, раз упомянут Шап, теперь понятно, о ком это он».

По объяснил, что других Вашингтонов По не существует, но Флинн это, похоже, не убедило.

– Слишком много совпадений, – сказала она. – И Сжигатель не обязательно в курсе, что в интернете есть лишь один такой парень.

По пожал плечами.

– Думаю, стоит проверить. Если он спрятал «Шап» в сообщении, только чтобы вы точно вышли на меня, то это логично, но проверка нам ничего не стоит. – Он ждал, что она примет верное решение. Флинн его не разочаровала.

Она кивнула и повернулась к Риду.

– Я думаю, это работа для нашего сотрудника по связям. Можешь порыться в базах данных Камбрии? Посмотри, не случилось ли здесь в последнее время чего-нибудь странного.

– Например?

– ЧЗНТ, – вмешался По. – Ты поймешь, когда увидишь.

– Что-то здесь не так, – расшифровал Рид. – Хорошо, съезжу в полицейский участок Кендала и проверю в «СЫЩИКЕ».

«СЫЩИК» был информационной системой полиции

Камбрии. Туда записываются любые данные, будь то преступное поведение или нет. Рид также обещал позвонить Гэмблу, чтобы проинформировать его, на какой стадии расследование.

Когда Рид ушел, По обратился к Брэдшоу:

– Пока его нет, Тилли, ты не могла бы посмотреть, что там можно раскопать?

– Можно мне вернуться в отель, По? Там вайфай лучше.

– Я тебя подвезу, если только... если только ты не хочешь, чтобы я научил тебя водить квадроцикл.

Брэдшоу взволнованно посмотрела на Флинн.

– Можно, инспектор Стефани Флинн? Пожалуйста. *Пожалуйста.*

– Серьезно? – переспросила Флинн у По.

– В этом есть смысл, – ответил он. – Мы не знаем, как долго здесь пробудем, и нам всем нужно быть мобильными.

– Давай, Тилли, – разрешила Флинн. Затем она посмотрела на По и добавила: – Только маме не рассказывай.

В течение двадцати минут По демонстрировал, как управлять квадроциклом. У Брэдшоу не было никакого опыта вождения, кроме как в компьютерных играх, но это было легко, и она быстро освоилась. Он показал ей, как включать и выключать, как снять с тормоза и как завести двигатель. Дроссель был на правой рукоятке, а остальное, как он объяснил, нужно для того, чтобы не застрять. Брэдшоу смеялась и улыбалась всю дорогу.

После пяти минут езды под присмотром она набралась достаточно опыта, чтобы отправиться в путь самостоятельно.

Они смотрели ей вслед, будто провожали свою дочь в колледж.

– И аккуратней на дороге! – крикнул По. Переезд через А6 было единственным местом, где она окажется на трассе; технически ей нужна была лицензия, чтобы ее пересечь. По взглянул на Флинн, надеясь, что она этого не поняла.

Брэдшоу помахала рукой, не оборачиваясь.

Половина команды разошлась по заданиям, и им нечего было делать, пока коллеги не доложат о результатах. Флинн и По повели Эдгара на прогулку. Была уже середина дня, и казалось, что они добились хоть какого-то прогресса. Погода была та же, что и накануне, но почему-то на улице казалось светлее. Забавно, как настроение влияет на восприятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.